

ЗАПИСКИ КРЕПОСТНОГО РАБОЧЕГО ПЕТРА КРОТОВА О КУПАВИНСКОЙ МАНУФАКТУРЕ

МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ ФАБРИК И ЗАВОДОВ

Предисловие А. Панкратовой
Комментарии В. Бухиной

СТРАНИЦА ИЗ ИСТОРИИ КРЕПОСТНОЙ ФАБРИКИ

Предлагаемые читателю «Записки» представляют собой документ, весьма замечательный во многих отношениях. Здесь мы даем сокращенный текст подлинных автобиографических записок крепостного рабочего — «мастерового Кротова», найденный научным сотрудником Секции истории пролетариата Института истории Коммунистической академии тов. Г. Костомаровым в Московском областном архиве и подготовляемый им к изданию отдельной брошюрой. Но поскольку эти «Записки» являются не только интересным историческим, но и литературным документом, Секция истории пролетариата сочла целесообразным опубликовать его в «Литературном наследстве», обращая на него внимание литературных организаций и отдельных писателей, особенно в связи с той задачей, которая поставлена перед ними, как и перед историками, решением ЦК об издании «Истории фабрик и заводов».

В обширной резолюции, принятой по поводу реализации этого решения ЦК ВКП(б) активом МАПП от 4 ноября 1931 г., рапповские организации обязуются, вместе с рабочей и научной общественностью, принять активное участие в работе над «Историей заводов» и обеспечить большевистское качество работы над историческим материалом. — «Для этого, — вполне правильно подчеркивает резолюция, — требуется тщательнейшее собирание материала, строжайшая проверка и исследование материалов, глубокое марксистское осмысливание и высококачественная литературная обработка его». Резолюция актива МАПП наметила не только общую линию работы, но и ряд конкретно-практических задач. Особенно необходимо отметить требование вовлечения масс в эту работу и широкого обмена опытом. «Чрезвычайная сложность работы над «Историей заводов» требует величайшего внимания к делу обмена опытом, к перенесению опыта лучших кружков в литкружки отстающие, требует осмысливания, обобщения каждой частицы ценного опыта и передачи его всей организации», — так формулирует эту важнейшую задачу резолюция актива МАПП.

Общество историков-марксистов и Институт истории Коммунистической академии, мобилизовавшие значительную часть своих сил на реализацию решения ЦК об изучении истории фабрик и заводов, планомерно ведут эту работу уже с 1930 года. Но решение ЦК обязывает и историков перестроить свою работу и, в частности, вступить в самую тесную, деловую кооперацию, установив обмен опытом с писательскими организациями. Практическим шагом к такой кооперации в деле изучения истории заводов может быть совместная обработка историками и литераторами таких документов, которые могут представлять интерес и для историка, и для писателя. В отношении публикуемых «Записок» мы, давая

нашу историческую оценку и обработку предлагаемого документа, делаем первый шаг такой кооперации. Мы полагаем, что, в дополнении с необходимыми литературными комментариями, этот документ может быть интересным материалом для занятий в заводских литкружках. При изучении истории фабрик и заводов им можно воспользоваться, чтобы ознакомить рабочих-литкружковцев с той страницей, которая посвящена истории крепостной фабрики.

Постановление ЦК ВКП(б) от 10 октября 1931 г. об издании «Истории заводов» возложило на рабочую, литературную и научную общественность задачу большого политического значения — показать длинный и трудный исторический путь пролетариата от крепостной и капиталистической фабрики к социалистической, — путь, в настоящее время завершающийся победоносным строительством социализма в нашей стране.

Содержание истории фабрик и заводов в этом постановлении формулировалось кратко, но вполне четко. История заводов должна «дать картину развития старых и возникновения новых заводов, их роль в экономике страны, положение рабочих до революции, формы и методы эксплуатации на старых заводах, борьбу рабочих с предпринимателями, бытовые условия, возникновение революционных организаций и роль каждого завода в революционном движении, роль завода и изменение отношений на заводе после революции, изменение типа рабочего, ударничество, соцсоревнование и подъем производства за последние годы».

Таким образом, основная целевая установка истории заводов — обобщить исторический опыт борьбы пролетариата на всем пути его к диктатуре и показать историческую закономерность и необходимость его настоящей борьбы за социализм. Большевистским показом всей боевой истории многих пролетарских поколений — история фабрик и заводов должна научить новые поколения — особенно только что пришедшие на завод или фабрику — понимать, ценить и укреплять революционные завоевания рабочего класса. Тем самым исторический материал даже самых отдаленных эпох приобретает значение воспитательного и организующего фактора и служит живым орудием мобилизации масс для строительства социализма. «Надо знать прошлое во всем его мрачном, бытовом бесчеловечии, с его гнусным цинизмом, с его изумительным лицемерием» — пишет об этом А. М. Горький, призывая энергично взяться за работу по созданию большевистской «Истории заводов». — «Это необходимо для того, чтобы воспитать в себе органическое отвращение к капиталистическому прошлому, чтобы тонко чувствовать раздражающее влияние его пыли, чтобы научиться исторически мыслить, чтобы насытить боевую теорию ленинизма фактами и углубить ее, чтобы усвоить дух большевизма, его непримиримость, его гибкий разум, отточенный историей прошлого» («Правда», 28 ноября 1931 г.).

Этот политический угол зрения, вообще обязательный для историка (ибо история есть наиболее политическая из всех наук), особенно необходим при изучении истории фабрик и заводов.

Как бы ни была отдалена изучаемая историческая эпоха, мы рассматриваем ее только как этап на пути к той героической борьбе за социализм, какую ведет пролетариат в наши дни. Прошлое необходимо для глубокого осмысливания настоящего. История многих фабрик и заводов уходит своими корнями даже в крепостную эпоху. И эта эпоха должна обязательно получить свое освещение и отражение в истории заводов. Классовая борьба на крепостной фабрике отличалась глубоким драматизмом. Она показывает примеры отчаянной борьбы крепостных рабочих против предпринимателей — крепостников. Надо показать, что самая «вольность», какую обычно связывают с формальным раскрепощением — «реформой» 1861 г., — означала просто переход из рабства крепостнического в рабство капиталистическое. Анализ классовой борьбы в крепостной фабрике необходим и для понимания особенностей классовой борьбы русского пролетариата в условиях промышленного капитализма. Крепостнический этап с господством методов внеэкономического принуждения не прошел бесследно для формирова-

шейся капиталистической фабрики. Наоборот, сочетание крепостнических пережитков с капиталистическими отношениями составляет главную особенность русской капиталистической фабрики. Именно это сочетание и обусловило неимоверную тяжесть эксплуатации рабочих на дореволюционных предприятиях. Внеэкономическое принуждение — в той или иной степени и форме — продолжало существовать и долго после «реформы», обуславливая то сочетание «азиатских» и «европейских» — по образной характеристике Ленина — методов и форм эксплуатации, какое было характерно для развития промышленного капитализма в России.

Крепостнические пережитки накладывали свой отпечаток на условия труда, быта, на характер формирования рабочих кадров, на оформление рабочих в класс, на условия и характер борьбы рабочих с предпринимателями и, наконец, на процесс революционного созревания рабочего класса. Вот почему изучение крепостнического этапа (если предприятие переживало такой этап и если сохранились документы этой эпохи) представляет такой большой интерес и такое значение — не только чисто научное, но и глубоко-политическое.

В крепостной России XVII—XVIII в. еще не существовало рабочего класса. Его сформирование в общественный класс относится только к XIX веку, особенно, ко второй его половине. Но изучение крепостной фабрики интересно для нас, как предистория пролетариата. Уже в условиях экономики крепостной России формировались кадры рабочих, пока еще несвободных, крепостных, насильственно прикрепляемых к производственному процессу, но уже постепенно идущих по пути полного отрыва от земледельческого труда, от сельскохозяйственного производства, приобретающих производственную квалификацию, подготавливающих рабочие кадры, которые после «реформы» 1861 г. создали основной источник свободной рабочей силы для раскрепощенной (хотя и не в полной мере) фабрики. Без изучения процесса формирования вольнонаемного труда, начиная еще с крепостной фабрики, нельзя понять, каким образом в XIX в. в России вышел на арену классовой борьбы пролетариат, как самый революционный класс; нельзя понять, почему его долгая и трудная борьба привела в следующем веке к величайшей в мире победе и над помещичьим самодержавием, и над буржуазией.

Эта предистория рабочего класса — история рабочих крепостной фабрики — проходит в условиях жестокой классовой борьбы. Историк-марксист или рабочий-исследователь, который будет изучать историю дореформенной фабрики, прежде всего должен будет подойти к анализу документов крепостной эпохи с этой стороны. Он должен будет прежде всего возможно полнее восстановить общую картину экономического и правового положения и классовой борьбы рабочих на коопестной фабрике. И в свете полученных обобщений, характерных для истории фабрики крепостной эпохи, он может глубже и конкретнее изучить факты и данные, составляющие содержание следующего — капиталистического — этапа существования изучаемой фабрики или завода. Мы считаем при этом полезным дать рабочему — литкружковцу некоторую руководящую нить для ориентировки в вопросе об истории крепостной фабрики и предложить самую общую схему изучения крепостной фабрики. Эта схема нам рисуется в следующем разрезе.

1. Общая экономическая характеристика предприятия крепостной эпохи.

2. Состав и особенности формирования рабочих кадров в крепостную эпоху. Степень, формы и источники комплектования рабочих на крепостной фабрике. Принудительный и наемный труд. Роль иностранных рабочих. Квалифицированный труд и его роль.

3. Строй отношений в крепостном предприятии и в докапиталистической мануфактуре:

а) фабричный абсолютизм предпринимателя, ведущего хищническое хозяйство крепостной эпохи;

б) предприниматель, рабочий, крестьянин и кустарь в их взаимосвязи; помещик и купец, их взаимоотношения и роль в организации крепостной фабрики;

в) степень, формы и характер эксплуатации рабочих;

г) экономическая закабаленность и бесправие крепостных рабочих: характер дисциплины, рабочий день, зарплата, условия труда, контракты;

д) регламентация и постоянный надзор за предприятием со стороны правительства и предпринимателя; роль помещика в организации и положении крепостного труда на предприятии;

е) быт рабочих крепостной фабрики, производственный и домашний; влияние условий труда на домашний и семейный быт рабочих;

4. Классовая борьба в крепостной фабрике:

а) формы борьбы, бегство, челобитные, жалобы, «ходоки», стихийные бунты, разрушение машин, стачки. Результаты борьбы. Роль и поведение администрации, полиции и правительства. Репрессии и их влияние на рабочих;

б) степень сознательности и активности крепостных рабочих. Влияние стачек на рабочих. Первые попытки организации. Первые выборы рабочих представителей, их роль и положение. Общие выводы.

Эта общая схема может послужить только отправным пунктом при анализе содержания и значения изучаемого в кружке исторического документа или какой-нибудь страницы из истории крепостной фабрики.

Попытаемся в основном применить ее и при анализе предлагаемого здесь читателю документа.

«Записки» мастерового Кротова охватывают хронологически довольно большой, но крайне неравномерно освещенный период, начиная от возникновения Купавинской фабрики при Екатерине II и кончая 1877 годом, т. е. крепостной период ее существования и первые годы после «реформы» 1861 г. Но этот последний период — годы до и после «реформы» 1861 г. — в «Записках» освещены крайне скудно. Небольшие фактические сведения тонут в длинных авторских рассуждениях морального свойства и в его словесных упражнениях религиозного содержания. Эта часть «Записок» не представляет большой ценности, как исторический или даже как автобиографический материал, и поэтому она здесь опущена. В настоящем издании «Записки» (впервые публикуемые) доводятся, примерно, до 1849—1850 г. и кончаются довольно драматически изображенным эпизодом «раскрепощения» рабочих по закону 18 июня 1840 г. Согласно этого закона, владельцы посессионных фабрик могли «освобождать» рабочих, приписанных к фабрике, забирая у них землю и все имущество и приобретая фабрику в полную свою собственность. Этот закон имел очень большое значение в истории фабричного посессионного права и сыграл не малую роль в истории борьбы крепостных рабочих за «волю» и «землю», ибо он не только освобождал фабричных рабочих от личной зависимости от владельца, но и «освобождал» их от всякой собственности, отрезывая путь недавним крестьянам к возврату на землю — к сельскохозяйственному труду. Но на истории закона 18 июня 1840 г. и на его применении на Купавинской фабрике мы остановимся ниже.

«Записки» не дают достаточных автобиографических сведений, касающихся жизни и личности мастерового Кротова, хотя автор в ряде мест намекает на свою богатую событиями и переменами жизнь. Из «Записок» мы только узнаем, что дед его был приказом правительства послан на фабрику из г. Козлова, а сам автор и его родители уже видимо родились и работали на Купавинской фабрике. До создания здесь фабрики, Купавна была небольшой дворянской вотчиной князя Репнина, а потом по купчей крепости перешла во владение к богатому московскому купцу, приближенному ко двору Екатериной, М. Я. Земскому.

Купец Земской, по распоряжению Екатерины II, построил здесь шелковую фабрику, расположенную в 30 верстах от Москвы, в Богородском уезде, по Владимирскому и Нижегородскому шоссе на тракту. Кроме того, он здесь же построил кирпичный завод, обслуживавшийся купавинскими крепостными рабочими, которых насчитывалось тогда в Купавне при 30 дворах всего 70 душ муж. пола. Производство росло, рабочих рук не хватало. Поэтому рабочий состав Купавин-

28

Генералъ Свѣдѣно Свѣдѣтъ виданъ. писаннаго
складнаго жоловинна купавинскаго Мастеровина
жоловинна жоловинна при Суконной фабриктъ въ
Свѣдѣствѣ виданъ Николая Сергѣевича 10 сукна
За Апрель и май 1823 года

		числа		сукна	
		руб.	коп.	руб.	коп.
<u>Торговцы</u>					
1	Николай Машкарёвъ	23		46	
	<u>при раздаѣ шерсти</u>				
1	Павелъ Машкарёвъ	33	33 1/2	66	66 1/2
	<u>при раскѣ машинъ</u>				
1	Филиппъ Иванецъ	20		40	
	<u>при раздаѣ машинъ</u>				
1	Иванъ Тимофѣевъ	16		32	
	<u>при раскѣ машинъ</u>				
1	Павелъ Кривошеинъ	16			
2	Сергей Ковалевъ	16			
3	Иванъ Человашинъ за май 20 днѣ	13	30		
4	Иванъ Селевъ	16			
5	Петръ Кривошеинъ	16			
6	Иванъ Ерифановъ за май 20 днѣ	13	30		
7	Иванъ Горбачевъ	16			
8	Иванъ Кузовинъ	16			
9	Павелъ Карпинъ	16			
10	Евдокимъ Кривошеинъ за май 20 днѣ	13	30	151	70
	<u>при раздаѣ машинъ</u>				
1	Иванъ Кривошеинъ за май 20 днѣ	13	30		
2	Федоръ Машкарёвъ за май 20 днѣ	13	30		
<u>транспорты</u>		26	60	536	56 1/2

«РЕГИСТРЪ» НА ВЫДАЧУ ЖАЛОРАНЬЯ ЗА АПРЕЛЬ И МАЙ 1823 Г. ПОСЕССИОННЫМ РАБОЧИМ КУПАВИНСКОЙ МАNUФАКТУРЫ, СРЕДИ КОТОРЫХЪ «ПРИ ЧЕСАЛЬНЫХЪ МАШИНАХЪ» УПОМЯНУТЪ АВТОРЪ «ЗАПИСОКЪ» — ПЕТРЪ КРОТОВЪ

С подлинника, хранящегося в архиве Юсуповых в Московском Древлехранилище

ской фабрики формировался, по обычаю того времени, всеми возможными способами и комплектовался из людей всякого рода, звания и сословия. Отсутствие своих крепостных заставляло купца-владельца фабрики добиваться особого указа о «насыльных» людях на фабрику — «из новороссийских краев и прочих губерн и городов». Среди этих «насыльных», много было и рабочих других национальностей — «казаки, калмыки, татары, персыяны, галичины».

Таким образом, при своем основании Купавинская фабрика была купеческой, т. е. организованной купцом, мануфактурой довольно типичной для екатерининского времени. Дворянское правительство предоставляло купцам-предпринимателям привлекать, в качестве рабочих, всех свободных или полусвободных людей, разоренных, нищих, бродяг и т. п. Предпринимателям же дворянам предоставлялись и приписывались к фабрикам деревни и разрешалось использовать на фабрике труд крепостных крестьян. На этой почве между предпринимателем-купцом и предпринимателем-дворянином шла обостренная борьба, не нашедшая в мемуарах прямого отражения. Но косвенное указание на нее имеется — хотя бы в том факте, что купавинская шелковая фабрика после смерти Земского недолго оставалась в купеческих руках. Наследник купца Земского не мог вынести конкуренции дворянской фабрики и разорившись лишился рассудка, а фабрика перешла к князю Потемкину.

Потемкин получил от казны значительную сумму на расширение фабрики, построил, кроме шелковой, еще и часовую фабрику, переданную им вскоре в аренду немецкому мастеру и расширил производство. Но в 1791 г. Потемкин умер, а фабрика и фабричные — «старожилы и навезенцы» — перешли в казну.

Правительство некоторое время вело и даже расширило фабрику, ассигнував на это 40 тыс. руб., но вскоре оно передало ее на основе посессионного права 1803 года — князю Юсупову. Согласно особому «Положению», новому владельцу передавались не только фабрика, но и приписные к ней фабричные рабочие, в отношении которых устанавливались особые правила, регламентирующие условия труда, заработную плату, рабочее время и т. п. Владелец не имел права продавать посессионных фабричных отдельно от фабрики или посылать их на другие работы.

Юсупов, бывший поставщиком шелковых товаров для дворца, значительно развернул производство. Он устроил в Купавне еще и суконную фабрику и даже ввел первые сукновальные и сукнодельные машины, а также выписал из заграницы 12-тисильную паровую машину, каких еще в России, за исключением петербургской Александровской мануфактуры, нигде не было. Шелковая и суконная фабрики с 1818 г. существовали вместе, пока суконная не заняла первенствующего положения. Шелковая же просуществовала до 1836 г. С конца XVIII в. и особенно в начале XIX в. в России довольно интенсивно развивается процесс разложения крепостного хозяйства. Возрастает применение механических двигателей, увеличивается количество вольнонаемных рабочих. На почве проникновения капитализма, чрезвычайно обостряются противоречия во всем строе крепостных отношений России. Одним из проявлений этих противоречий была развернувшаяся вокруг посессионного права борьба между купцами-предпринимателями и предпринимателями-помещиками. Отражение этой борьбы и ее влияние на рабочих и является основным содержанием воспоминаний мастерового Кротова.

В 1798 г. купцы-фабриканты добились восстановления права посессионного владения, которое однако скоро оказалось тормозом в развитии производства. Растущая потребность в более производительном вольнонаемном труде заставляла теперь фабрикантов настойчиво требовать отмены крепостных ограничений. В ряде законов в 1824, 1833 и 1840 гг. «стеснительность условий, с посессионным владением сопряженных», постепенно смягчалась, а по закону 18 июня 1840 г. фабриканты получили право по желанию ликвидировать посессионное владение и перейти на вольнонаемный труд.

<u>Присутствующие</u>		3824 75
<u>ре.мичин.мб</u>		
1	Василию Силикову	16
2	Фредеру Силикову	16
Сторож. и сторож. в.мичин.		32
Мотыль Карачев		
1	Петру Горбачеву	18
2	Ивану Силикову	18
3	Ивану Преслав	18
<u>Присутствующие (Числоты)</u>		54
1	Ивану Силикову	52
<u>С.мичин.мб</u>		
1	Антону Ивану	52
2	Ивану Силикову	26
3	Фредеру Силикову	26
4	Андрею Фредеру	25
5	Ивану Ивану	20
6	Петру Ивану	20
7	Василию Силикову	20
8	Ивану Силикову	20
9	Антону Силикову	20
10	Антону Силикову	20
11	Петру Силикову	16
12	Ивану Силикову	16
13	Евгению Силикову	16
<u>Присутствующие</u>		979
<u>Присутствующие</u>		1127

«РЕГИСТР» НА ВЫДАЧУ ЖАЛОВАНИЯ ЗА ОКТЯБРЬ И НОЯБРЬ 1828 Г. ПОССЕССИОННЫМ РАБОЧИМ КУПАВИНСКОЙ МАНИФАКТУРЫ, СЛЕСАРЕМ КОТОРОЙ УПОМЯНУТ ПЕТР КРОТОВ

С подлинника, хранящегося в архиве Юсуповых в Московском Древлехранилище

По этому закону фабриканты могли увольнять рабочих по своему усмотрению, получая вознаграждение от казны 36 руб. серебром с ревизской души мужского пола, если увольняемые рабочие были куплены фабрикой; если же рабочие были приписаны без платы, то и при освобождении их владелец не получал компенсации. Увольняемые рабочие могли по выбору — либо приписаться в городские мещане, либо — в государственные крестьяне. В последнем случае они должны были переселяться, и на переселение и обзаведение им полагалась от владельцев некоторая сумма, от уплаты которой последние пытались, разумеется, всячески уклониться. Несмотря на эти налагаемые казной расходы, фабриканты в 30-х и 40-х годах довольно охотно пользовались законом 18 июня 1840 г., благодаря наступившим новым экономическим условиям, делавшим крепостной труд невыгодным и обременительным.

Точной цифры освобожденных рабочих по закону 1840 г. пока не установлено, но она дает не менее 15—20 тыс. чел. мужского пола. Как относились рабочие к этому закону?

Поссессионные рабочие часто выражали желание приписаться в государственные крестьяне, но упорно отказывались покидать насиженные места и переселяться. На этой почве происходили волнения, и упорствующих нередко переселяли в Сибирь по этапу при помощи военной силы.

Приписавшиеся в мещане также обязаны были продать свои дома и выселиться с земли владельца. Когда рабочие оставались в своих домах, они обязывались выплачивать владельцам за приусадебную землю особый выкуп.

Нечего и говорить, что получаемая при таких условиях «свобода» никому не улыбалась и, кроме разорения и новых страданий, ничего рабочим не приносила. Поссессионные рабочие очень активно боролись за волю до издания закона 18 июня 1840 г., но новый закон глубоко разочаровал их, ибо он приносил рабочим такие новые испытания и лишения, что они нередко жалели о прежней неволе. Известны случаи, например, с Фряновскими рабочими, когда поссессионные рабочие даже не соглашались идти на волю, опасаясь лишиться земли и домов.

Таким образом, закон 18 июня 1840 г. приносил больше выгод фабрикантам, чем рабочим. Он послужил причиной многих волнений рабочих крепостной фабрики. Описываемые в «Записках» Кротовым события также были связаны с этим законом о ликвидации поссессионного права. Остатки же поссессионного права были окончательно ликвидированы только «реформой» 1861 г.

Автор «Записок» дает очень яркую картину купеческого владычества на Купавинской фабрике. Московские купцы суконщики — братья Петр и Илья Семеновичи Бабкины, получившие фабрику от наследников князя Потемкина на тех же правах поссессионного владения, на каких имел ее князь Потемкин, очень скоро стали отменять или просто игнорировать стеснительные для себя пункты «Положения» 1803 г.

Прежде всего, они отказались от материального обеспечения не работавших уже на фабрике стариков, сирот, инвалидов и т. п., затем отказались от пособий рабочим во время болезни, смерти и т. д. Автор рисует картину жестокой эксплуатации рабочих, не только прямым путем посредством низкой заработной платы и т. п., но и косвенным — путем хозяйских лавок, закладов и ссуд под высокие проценты, сокращения пайков, высоких оброков при выдаче паспорта и т. п.

«Период владения Бабкиных, — делает автор заключение о положении рабочих в это время, — может считаться самым тяжким периодом существования купавинских фабричных. Бабкины всеми средствами стремились только к своей быстрой наживе, а подчиненных своих угнетали и притесняли самым возмутительным образом».

Рассказывая, какими средствами боролись рабочие против эксплуатации, автор очень живо рисует картину классовой борьбы, развивавшейся на купавинской фабрике. Купцы, в союзе с исправником, с губернатором, со столичными властями и духовенством присылают на фабрику вооруженную силу, арестовывают

наиболее активных рабочих, требуют от всех купавинских фабричных подписки в повиновении властям, а от рабочих не принимают никаких жалоб и раз'яснений. На сторону Бабкиных переходит и наиболее обеспеченная и угодная хозяевам часть мастеров, а также обманувший доверие рабочих мирской голова. Всех неподписавшихся, в присутствии священника, вызывали подворно и упорствующих били «девятиерых розгами, десятого — плетью». Автор красочно описывает российское правосудие в отношении крепостных рабочих. «Закон мог позволить из белого сделать черное, из черного — белое, и все в руках судьи дело. Богатого едва ли когда признавали по суду виноватым, но более оправданным преспокойно оставался. А мужика бедняка нередко и правого обвиняли и с наказаниями в сибирские края посылали».

Не менее яркую картину изображает автор, описывая и другой эпизод из истории классовой борьбы на посессионной фабрике, развернувшейся в связи с указом 1840 г. о прекращении фабричной поссессии. Пользуясь указом, владельцы решили отнять у фабричных лес, землю и дома, принадлежавшие всегда рабочим. Фабричные же добивались приписки в государственные крестьяне с отдачей им всей земли. Купавинских фабричных заставили насильственно записаться в городское сословие г. Богородска, а за отказ от подписки жестоко наказали розгами и заключили в острог.

Автор, подробно излагая этот эпизод, довольно хорошо оценил и понял самый смысл закона 1840 г., по которому рабочие лишались всякой собственности и превращались в «вольных» рабочих с целью заставить их итти на любых условиях на фабрику.

«А мешчанам тогда некуда будет деваться и принуждены будут у наших ворот увиваться, просить работы», — передает Кротов мнение и разговор между собой посессионных владельцев в связи с указом 1840 г.: — «а нам меньше заботы, сколько за работу им дадим, и то будут работать, как добровольные рабы наши навсегда».

Описывая проведение закона 1840 г. и «освобождение» крепостных рабочих, автор местами рисует картину большой силы и жизненного драматизма. Объявление о том, чтобы немедленно очистить свои насиженные гнезда, потому что лес, земля и дома рабочих передаются по новому закону фабриканту, а «освобожденные» рабочие могут итти либо в город на фабрику, либо в дальние губернии в государственные крестьяне, — рабочие встретили с полным отчаянием.

«Такое убийственное объявление встревожило всех до бесконечности о лишении родины своей и места жительства и даже домов, кровавым потом нажитых нами. И в это время и работа никому на ум не шла. Всюду происходили в народе толпы, молва, сходки, в домах и семействах слезы, вздохи и все вообще как бы к смерти будучи приговорены или к скорой высылке, неизвестно куда и когда»...

Хлопоты, прошения и ходатайства рабочих перед властями и министрами не помогли. Купавинские фабричные насильственно были приписаны к городскому сословию. Когда же половина фабричных все же отказалась дать подписку, на фабрику снова прислали солдат и устроили вторую экзекуцию, которая была еще тяжелее первой, уже упоминавшейся нами выше. Поголовная порка рабочих розгами до полусмерти привела к желательному властям результату: «Зачислены были посессионные крестьяне в городское сословие». И с глубокой иронией и печалью автор кончает эту часть записок: «Посессионные владельцы желаемое получили, а своих подчиненных бывших, как соперников проучили, освободили их на волю — по чистому полю избирать себе род жизни. Вот те и свобода, как осенняя погода!»... Таким образом, в этом небольшом документе раскрывается весьма яркая страница из истории классовой борьбы на крепостной фабрике; она дает довольно верный исторический материал, рисующий общие условия труда, быта и борьбы крепостных рабочих.

При этом обращает на себя внимание незаурядная, особенно для уровня рабочих этой эпохи, личность автора мемуаров.

Ко времени их написания ему, видимо, было около 70 лет, если судить по тому, что в 1812 г. ему было 4 года, а записки он довел до 1877 г. Память сохранила ему лишь наиболее в ней запечатлевшееся. Но кроме собственных воспоминаний, автор пользуется рассказами и воспоминаниями других рабочих — своих земляков и старожилов. Уже самый факт написания рабочим, бывшим крепостным, мемуаров свидетельствует о том, что автор их был выше своих товарищей по умственному развитию и по своим знаниям. По косвенным данным можно даже заключить, что автор из рабочих был видимо переведен в фабричную контору и возможно даже, что за усердную работу был приближен к хозяевам. Это последнее дало ему возможность быть в курсе многих таких событий, какие не могли быть известны или даже понятны другим рабочим его времени. Автор — человек вдумчивый и наблюдательный, умеющий критическим отношением и остратым словом подчеркнуть наиболее характерные для его эпохи черты, в условиях жизни, производства, быта и во взаимоотношениях людей. С особенным негодованием он рисует нравы купеческих «стяжателей» Бабкиных, которые платили купавинским фабричным меньше, чем свободным рабочим, а заставляли их работать «за третью деньгу против вольнонаемных». Его симпатии целиком на стороне рабочих, с которыми он чувствует себя неразрывно связанным, несмотря на то, что в период 1849 г. — во время волнений на купавинской фабрике, в связи с их «освобождением» по закону 18 июня 1840 г., автор, видимо, работал в конторе. Когда рабочие временно перестают доверять ему и даже обвиняют его в измене и защите интересов хозяев и начальства, Кротов переживает этот момент с глубокой горечью, что нашло свое отражение и в его «Записках». К полиции, к суду, к духовенству автор относится резко враждебно, понимая и подчеркивая в своих «Записках» их взаимную связь и их «поддержку интересов купца Бабкина». Тяжелая эксплуатация не только пробуждает классовое чутье в бывшем мастеровом Кротове, но и заставляет его сокрушаться, что остальные рабочие не понимают своих интересов и не умеют объединиться для борьбы за них.

Все это говорит о личности мастерового Кротова, как о передовой и незаурядной фигуре среди крепостных рабочих. Вторым доказательством незаурядности рабочего-мемуариста является его стиль. Правда, автор при этом неоднократно называет себя «невежей» или «убогим», указывая, что «учили его за алтыны медные» и что «от младости и до старости грамматики и арифметики он не читывал». Этому утверждению противоречит стиль мемуаров — весьма типичный для дворянской эпохи, в какую жил автор. Этот несколько витиеватый и многословный, иногда даже впадающий в стихотворную прозу, патетический стиль, с употреблением многих народных и литературных примеров, прибауток и прочих украшений, говорит о несомненной начитанности автора.

Примером такого стиля, украшенного даже рифмой, может быть также рассуждение о пользе «хозяйского глаза» в работе:

«Дело в посторонних руках не есть хозяйство: едва не каждый приказчик — грош в ящик, а пятак — за сапог. Приказчик на этот предмет проворен, да и сапог у него просторен. Это дело не может быть прочно, ежели фабрику водить заочно. Так-то иногда фабриками управляли некоторые Романы, имевшие большие карманы»...

Тот же полународный, прибауточный, рифмованный стиль, но вместе с тем и не без литературной витиеватости, мы видим и на многих других страницах. При этом обращает на себя внимание множество рассуждений автора, главным образом, морального и религиозного содержания. Многие из них также, видимо, отражают склонность автора и его подражание литературному стилю своей эпохи.

Во всяком случае, предлагаемый документ несомненно является любопытным литературным памятником своей эпохи, особенно, если учесть, что автор мемуаров выходец из рабочих.

В связи с этим мы считаем необходимым обратить внимание и на эту сторону «Записок», изучая их, как материал автобиографического характера, могущий

быть документом эпохи и для историка, и для литератора. Опыт научного изучения анкетно-биографического материала Секцией истории пролетариата показал, что при надлежащей научной проверке и критической работе над таким материалом он может оказаться весьма полезным и ценным добавочным источником при изучении истории фабрик и заводов.

Настоящий документ был подвергнут проверке по архивным фондам древлехранилища, сокращен, снабжен исторической справкой и примечаниями и подготовлен к печати научным сотрудником Секции истории пролетариата т. В. А. Бухиной.

А. Панкратова

1

[АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ. ВЛАДЕЛЬЦЫ СЕЛА КУПАВНЫ И КУПАВИНСКОЙ ФАБРИКИ: КНЯЗЬ РЕПНИН, Д. Я. ЗЕМСКОЙ. КУПАВИНСКАЯ ФАБРИКА ПРИ ЗЕМСКОМ СОСТАВ РАБОЧИХ — «НАСЫЛЬНЫЕ ЛЮДИ». Г. А. ПОТЕМКИН. ПЕРЕХОД ФАБРИКИ К КАЗНУ, УПАДОК ФАБРИКИ. ОТДАЧА КУПАВИНСКОЙ ФАБРИКИ В ПОС. СЕССИОННОЕ ВЛАДЕНИЕ КНЯЗЮ Н. В. ЮСУПОВУ. ФАБРИКА ПРИ ЮСУПОВЕ. ОСНОВАНИЕ СУКОННОЙ ФАБРИКИ. ПЕРЕХОД ФАБРИКИ К КУПЦАМ П. И. И. БАБКИНЫМ. УНИЧТОЖЕНИЕ ПЕЛТКОВОГО ПРОИЗВОДСТВА].

Кто менее знаком с праздною и ближе к любознанию, то может подробнее знать о существовании Купавны и происшествиях в ней бывших, со времен блаженной памяти Екатерины 2-й и до царствования Александра 2-го. О том объяснит история, следующая ниже сего предисловия.

Почтеннейший и благосклонный читатель, я объясняюсь, как природный помещик сего обыватель, о котором нечто описывать начиная, а притом и малограмотство свое не скрывая, именно потому что родители мои, бывшие¹ люди бедные, и меня учили за алтыны медные. В 1815 году церковной азбуке меня учили, а потом часовник и псалтырь вручили, согласно того времени, как известно, «блажен муж» и прочие псалмы до «мал бех в братии моей». А впоследствии соболезнуя несколько о недостаточной образованности своей, я признаюсь, что от младости и до своей старости грамматики и арифметики не читывал и в руках моих не бывало. А с божью помощью люди иногда от времени научаются, а в особенности с коими много перемен в жизни случается. Ибо в тленном и суетном мире нет мира, и исчезают в суете дни наши.

И прошу просвещенных наукой не требовать от меня многого, как и от невежи или убогого. Конечно, ежели б я в своих обстоятельствах не столько затеснился, то иначе бы объяснился. А впрочем, и то сказать, ежели же в нашем ремесленном быту, о подобном сему много замышлять, то не достанет времени и куска хлеба промышлять, а изделием не дорожить, нечего будет и на зуб положить. Конечно, ежели ревностный и тщательный, хотя и невежа, а он во время отдыха своего нечто планирует² и на боку лежа. Конечно ежели в крепостном положении будучи человек, и преклонных лет, следующей³ способности⁴ нет. Но благодаря всевышнего, что свободою властвуюсь, а просвещением ничуть не хвастаюсь, даже мало имею в оном понятия, а благодаря бога за свое ремесленное занятие, оно хоть некрасиво и нехвастливо, а стоит сказать иногда и спасибо. Кто ведет себя честно, то и впоследствии будет небезызвестно.

Моя склонность всегда меня влекла к знакомству и дружеству с трудолюбием и занятием. И за упразднением моих ремесленных занятий, во избежание гнусного порока праздности значущейся [мат]ерию⁵ порокам, скитающейся между кабаками и бесполезными народными толпами, которой вполне бог даже гнушается и вообще всеми здраво-мыслящими презирается, а трудолюбие свыше благословляется, затем

и не позволяю праздности мною заниматься, и без доклада отнюдь ко мне не являться. А как во мне кровь не остыла, то праздность для меня весьма мерзка и постыла. Прочь, прочь, бездельница, прочь бесполезная ленивица, я не согласен среди скуки тратить время сложа руки, а между делом по временам на свободе хоть вкратце нечто опишу не поспешу, что я мог в протекции⁶ жизни своей встретить и припомнить, а к дополнению оного, по временам, собирая сведения от старичков и пожилых мужичков, а именно старожил сего поместья, о начатии Купавинской прежде шелковой бывше фабрики существовавшей по 1836 год. А между оным устроена в Купавне и суконная фабрика с 1818⁷ года и существует последняя по настоящее время в обширном количестве, состоя⁸ в московской губер[нии], Богородского уезда по Владимирскому и Нижегородскому шоссе[йному] тракту, от Москвы в 30 верстах. [Напишу] о событиях в Купавне и происшествиях по 1877 году. Нашествие же I-го Наполеона на Москву в 12-м году, едва нечто мало припомнить могу, когда я был с половиной четырех лет, а о том и продолжать здесь нужного нет.

А теперь мы скажем то, что знаем и слышанное в народном предании, как и дедушка мой рассказывал, родителя моего отец, а тому согласно впоследствии подтверждали и прочие купавински[е] старожилы из коих доселе [некоторые] бывши живы — о упомянутой Купавинской шелковой фабрике как известной бывше по истории, и значившейся первой в России⁹. Вот я из разговоров старых людей успел кое-что припомнить почти мимоходом, в профиль, как они бывало рассказывали.

Сначала давности Купавна бывше вотчина князя Репнина, и по купчей крепости поступила во владение знатному тогдашнему времени боярину Д. Я. по фамилии Земскому¹⁰, известному бывше двору ее величества Екатерины 2-й. Он тогда и вкладчиком был в Москве Покровского монастыря, что на Могильцах, от имени его вылит колокол в 66-ть пудов в 1747-м году. В бытность же Земского Купавна состояла не более как в 30-ти дворах и в 70-ти душах мужеска пола. В настоящее же время имеется до 500 домов и 1246 душ му[жеска] пола по 10-й ревизии¹¹, исключая приписанных к Купавинской слободе с 1857-го года, бывше посессионных¹² фабричных крестьян Чудинских, бывше купца Рыбникова, и Михневских купца Соколова, с которыми значится в настоящее время по статейческим спискам до 1500 ду[ш] муж[еска] пола и женска 1650 ду[ш], обоего пола 3160 душ. Но между прочим Земской, господин бывше домостроительный, имел кирпичный свой завод, который работал своими крестьянами. Как мужской пол равно и женский работали на уроках, и поработались оные крестьяне, как и древле во Египте израильтяне.

Повелением ее императорского величества Екатерины 2-й и по воле ее Земской выстроил в Купавне и шелковую фабрику существовавшую по 2-й век около 40 лет.

В виду же незначительного населения Купавны, недостаточно было Земсковых крестьян для фабрики, почему и был клич и насылались люди указом из новороссийских краев, и из прочих губерн и городов разного рода и сословия, в числе коих могли быть казаки, калмыки, татары, персы, галичины, исключенные из духовного звания. По месту жительства и сословию оных и званию пишется по ревизии и фамилия их по настоящее время, именно; Казакова, Калмыкова, Персиянова, Татаринова, Галицкого, Козловского, Костромского, Островского, Дьяконова, Дьячкова, Пономарькова¹³, [были] и купавински[е] старожилы. Из насыльных же людей многих я застал в живности и

довольно знал, а также в числе оных был вышеупомянутый и дед мой прислан указом из города Козлова еще в молодых годах будучи. В древности от одного семейства произошло двенадцать колен Израилевых, а купавински[х] фабричных из двенадцати сословий составила¹⁴ масса фабричного класса и довольно разнообразна, и неразвиты многие к здравомыслию остаются и по сие время.

По смерти Земского, Купавинска[я] фабрика оставалась за наследником его, который недолго ею владел, оказавшись несостоятельным, а, наконец, и рассудка лишившись. И поступила фабрика в другие руки, но в скорости поступила в третьи руки военноревнителю и защитнику отечества, светлейшему князю Потемкину, Григорию Александровичу Таврическому..

А по снятии Потемкиным Ку[павинской] фабрики он получил значительную из казны сумму для поддержки фабрики, а притом устроил в Купавне и часовую фабрику, и сдал оную в аренду мастеру иностранцу Нордштейну Поллеру. И работали часы всякого сорта, как то: башенные, стенные, карманные. Стенные же имеются в Купавне и доселе, на коих на кадране¹⁵ надпись гравирована «Но,-По, — Купавинской фабрики». Людей же князь для этого заведения выслал из вотчины своей, Могилевской губернии[и] местечка Дубровы до 40-ка семей. Часовая фабрика существовала в Купавне до 1812-ва года, а во время нашествия Наполеона в Москву, вышеупомянутой мастер-арендатор, не доживши арендного срока из России бежал. И с того времени часовая фабрика более не существует.

По смерти же Потемкина в 1791-м году, Купавинска[я] фабрика оставалась в неоплатном казне долгу за данную владельцу ссуду. Вследствие того Купавна с фабрикой и фабричными мастерами, как старожилami [так] и навезенцами и принадлежащими к Купавне лесами и землями и всеми угодьями вообще, значащимися по планам до 2000 десятин и две водяные мельницы¹⁶ все поступило в ведение казны. Но в то время Куп[авинская] фабрика еще могла собою гордиться, когда славилась своей известностью в России, и значение оной — как корень фабричный, от которого и могли произрастать фабричные отрасли к пользе и славе отечества. А из числа окрестных жителей, имеющие ревностную деятельность и следующую к тому способность, тщательно старались ознакомиться с мастерами Куп[авинской] фабрики, и многие достигли своей желанной цели, и составили несомненно себе счастье, из коих имели купавинского ткача некоторые. И [это] считалось за редкость.

Но между всем тем, правительством ассигновано было для производства фабрики оной 40 тысяч рублей без процента, с единственною целию предоставить фабрике возможность расширить ее действия и продолжать неослабно, дабы кормился народ, приписанный к фабрике, который давно уже крестьянского занятия не имеет, исключительно фабричной промышленностью. А фабрикация necessarily требует назидательности и хозяйственного присмотра, а дело в посторонних руках не есть хозяйство: едва не каждой прикащик грош в ящик, а пятак за сапог. Прикащик на этот предмет весьма проверен, да и сапог у него просторен. Эта дело не может быть прочно, ежели фабрику водить заочно. Так то иногда фабриками управляли¹⁷ некоторые Романы, имевшие большие карманы. Ассигнованную вышеупомянутую сумму издержали и от фабрики бежали, довели оную до упадка, и все прежние ее действия изменились. К тому же от времени в Московской губернии[и] фабрикация начинала развиваться, колыми паче в окрестности Москвы. В таком случае ку[павинские] фабричные находились

в крайнем положении и должны были промышлять кусок хлеба себе с семейством на стороне, где пришлось. А в те времена домохозяина отлучка считалась весьма противоположна. Не то что в настоящее время народ куда хочешь¹⁸ согласен, ему вода и огонь не опасен.

Казна, возмев быстрый взгляд на оную фабрику и по рассмотрении не предвидя от оной для казны интересности, и за благо суждено было, сдать оную в частные руки желающим. И было о том опубликовано в ведомостях. А потому князь Николай Борисьевич Юсупов¹⁹, камергер²⁰ и разных орден[ов] кавалер, действительный тайный советник, известясь о том, пожелал снять в казне оную фабрику в потомственное владение. А как Юсупов был беспристрастный особа и уважаемый двором его императорского величества, то фабрику оную снял не из вида своей корысти и интереса, а единственно из честолюбия к уважению казны, и [чтобы] дать средство к обеспечению приписных²¹ к фабрике крестьян, которых впоследствии сформировалось по 6-й ревизии 623 души мужеска пола.

Но впрочем казна фабрику сдала с приписными к ней фабричными крестьянами и со всем имуществом искони принадлежащим к²² Купавне, как и выше сказано, притом же на основании высочайше утвержденного положения²³, состоящего в 17-ти пунктах, 11-го декабря 1803-го года. Но в положении сем фабричные преимущественно обеспечены в безнуждном их содержании, что и можно видеть ниже сего. Юсупов, по принятии оной фабрики, тщательно ее уполномочивая²⁴ в исполнение означенного положения 10-го пункта. Он первый поставщик был для²⁵ дворца шелковых товаров, именно кавалерских лент, обойных штофов, парчей, золотых бархатов и прочих товаров, касающихся до оной фабрики, и всячески старался доставлять работы ку[павинским] фабричным, и фабрика была в цветущем положении. Заработки поначалу были достаточны, а притом любил же князь и фабричных, в особенности ласков был к детям их, коих обучал грамоте, соответственно тогдашнего времени, а между прочим обучал и другим мастерствам.

К сожалению, что князь, по своей великатности²⁶ и [из-за] преклонных лет, не мог усматривать по фабричной части как следует. Он вполне добр и доверчив был к правителям своим по поручениям его, которые смело карманы свои набивали и вотчины наживали и фабрику расходами обременяли. Расценки товаров был несоответствен с прочими фабриками, и сбыт товарам затруднялся по развитию в Московской губернии[и] фабрикации, каковая и могла процветать не посредством бояр, а деятельностью людей низкого сословия, коих надежды впоследствии вполне оправдались. И в таком отношении низший класс опередил высший на большое расстояние.

Однако ж не остался и князь не попечительным, придумал устроить еще суконную фабрику в Купавне для занятия фабричного народа. шерсть чесать и прясть машинами под названием аппаратов²⁷, о которых в Москве едва только отдельные²⁸ слухи носились. Князь же нанял мастера иностранца, по фамилии Туль, который поделал ему в Купавне аппараты. Устроил суконную фабрику, а для привода выписал из заграницы 12-ти сил паровую машину, которых тоже²⁹ в России не было, исключая Александровской мануфактуры в Петербурге. И работали сначала русскоармейские сукна, а между тем и тонкие. И так с 1818-го года существовала в Купавне часть шелковой фабрики, а другая часть суконной. И впоследствии времени последняя, как младшая, вытеснила старшую, и намного опередила и расширила свое действие доселе. Купавинска[я] шелковая фабрика пользовалась пер-

венством сначала и старейшинствовала, а от времени и суконная не в последних значится.

Князь держал Куп[авинскую] фабрику 29-ть лет³⁰ по свою смерть. За смертью же его оставалась за наследником его, который в скорости же передал оную суконщикам, московским купцам почетным гражданам и братьям Петру и Илье Семеновым Бабкиным³¹, на тех же правах, как сдавала казна князю. Бабкины же по снятии оной, шелковое производство в скорости уничтожили вовсе.

II

[КУПАВИНСКИЕ ФАБРИЧНЫЕ ЖДУТ НОВЫХ ВЛАДЕЛЬЦЕВ. ПРИЕЗД БАБКИНЫХ. НОВЫЕ ПОРЯДКИ НА ФАБРИКЕ. ТЯЖЕЛОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РАБОЧИХ. ФАБРИЧНЫЕ, ПОДОЙДЯ К БАБКИНУ, ПРОСЯТ НЕ ЗАДЕРЖИВАТЬ ВЫДАЧИ ХЛЕБА. «ГРУБОСТЬ» ОДНОГО ИЗ РАБОЧИХ. ФАБРИЧНЫЕ НЕ ДАЮТ ОТПРАВИТЬ «ГРУБИЯНА» В ГОРОД ДЛЯ НАКАЗАНИЯ. ДРУЖБА БАБКИНЫХ С ИСПРАВНИКОМ. МИРСКОЙ ГОЛОВА УГОЖДАЕТ БАБКИНЫМ. ВЫБОРЫ НОВОГО ГОЛОВЫ. ОТПРАВКА ХОДАТАЕВ К ГУБЕРНАТОРУ. ПОЯВЛЕНИЕ В КУПАВНЕ БАТАЛЬОНА СОЛДАТ. ВЛАСТИ ТРЕБУЮТ ПОДПИСКИ В ПОВИНОВАНИИ. ФАБРИЧНЫЕ ОПАСАЮТСЯ ПОДПИСАТЬСЯ, ЧТОБЫ НЕ ПРИЗНАТЬСЯ БУНТОВЩИКАМИ. ПРИЕЗД ГУБЕРНАТОРА. АРЕСТЫ. СЛЕДСТВИЕ И ВОЕННЫЙ СУД. СУРОВЫЙ ПРИГОВОР. ГУБЕРНАТОР ОТМЕНЯЕТ ПРИГОВОР. НАЧАЛЬСТВО В УТОДУ БАБКИНЫМ, НАКАЗЫВАЕТ ПЛЕТЬМИ 6 ЧЕЛОВЕК. ДВОЕ ИЗ НИХ ОСУЖДЕНЫ, КАК МЯТЕЖНИКИ И ВОЗМУТИТЕЛИ. БАБКИНЫ НЕДОВОЛЬНЫ СУДОМ. ПРИТЕСНЕНИЯ ФАБРИЧНЫХ. БАБКИНЫ ОБЪЯВЛЯЮТ КУПАВИНСКИЙ ЛЕС СВОЕЮ СОБСТВЕННОСТЬЮ И ХОТЯТ ВЫСЕЛИТЬ «НАСЕЛЕННЫЙ НАРОД». ЖАЛОБА ФАБРИЧНЫХ МИНИСТРУ ФИНАНСОВ. ПОДАВШИЕ ПРОШЕНИЕ НАКАЗАНЫ].

Сделка между князем и Бабкиными продолжалась около года. Слух, по словам сводчика, носился в Купавне благонадежный, и потому Купавински[е] ждали и не чаяли дожждаться положения новой жизни, а старая поприскучила, как иногда прискучивает черствый хлеб, а в новом то тоже нередко бывает и ошибка немала[я], и бог о том весть которая из оных более наскучит. Между тем легкомыслие и то говорило: «да скоро ли отцы то наши приедут». Однако же дождались.

И вдруг, мужики собравшись в круг, заговорили наши ребята, загусторили: «слова богу, приехали наши желанные благодетели, новые владельцы, что то будет». А другие говорили поумнее: «ну, что будет, то и будь, да ведь с нас и взятки то гладки», а следующей не имели догадки. А притом еще некоторые высказались: «да ведь с купцами то не то, что с князем — можно легко управиться, ежели нам что нибудь не понравится». Но легкомыслие в своем мнении и пустословии на-много не угадало.

По приезде Бабкиных не замедлил и богородский исправник. И в церкви отлуживши молебен в присутствии куп[авинских] фабричных и понявших оковых, исправник читал объявление к повиновению новым владельцам, купцам Бабкиным, которым передал молодой князь фабрику Купавинску[ю] на тех же правах самых, как казна князю передала, именно, на высочайше утвержденном положении 11-го декабря 1803-го года.

Затем ново-подчиненные люди, встретивши новых владельцев у дому их, поднеся хлеб-соль, поздравили их с приездом и с снятием фабрики и просили их о отеческом покровительстве. Бабкины, принявши хлеб-соль, говорили речь в свою очередь неглупо, а купавинским виделось очень колко и грубо, и все оных приветы и разговоры, как едохи лютой свекрови. А между тем дали мужикам на водку, а мужики владельцев благодарили и за их здоровье выпили горелки, не закусывая с тарелки, просто.

Потом принявшись Бабкины за свои дела по фабрике и конторе, сначала стали рассматривать положение престарелых, бедных, сирот [и] нищих, а потом мастеровых и фабричных. Убогие и нищи[е] не в состоянии приобрести себе дневной пищи. А на основании 10-го пункта

высочайше утвержденного положения, пользовались от владельца фабрики богадельным содержанием, получавши 5 руб. в каждой месяц, каковой суммы причиталось около 200 рублей в месяц. Князь был нестяжателем и честен в исполнении вышеупомянутого положения. В 10-м пун[кте] сказано: всем фабричным обоего пола, мужеска и женска [если] за старостию и болезнями и малолетством фабричной работы производить не могут и пропитанья ниоткуда не имеют, то содержатель фабрики должен определить им богадельное содержание, не допуская их отнюдь, чтоб они ходили по миру для испрашивания милостыни³², а равно иметь попечение о всех случающихся при фабрике больных, как в содержании, так и в пользовании оных.

Бабкины же, подобно книжникам [и] фарисеям лицемерны, по наружности люди набожны[е], а без сомнения разрушители 2-й и 10-й заповеди, но в каком именно отношении о том изъяснено будет ниже сего. Но кольми паче ни во что вменив 10-й пункт упомянутого положения, на все сиротство и убожество ассигновали не более 10 руб. в месяц. Таковой то поступок был мнимых благодетелей, каковым лишил[и] надежды купавинских в будущем благоволении, которые и поверглись в неизъяснимое уныние. И предчувствие было не благонадежное, и объяла всех скука, что мнимообманнные благодетели вначале поступили против бедности скупо-уклонившись от исполнения 10-го пун[кта], а удобным для себя признав действовать по 5-му пун[кту] во избежание 7-го пун[кта] и 10-го. Ибо, в 5-м сказано: всех обоего пола фабричных способных к работе, владелец фабрики должен стараться всех занимать оною, но впрочем смотря каждого по его способности. А в 7-м пун[кте] сказано: поелику приписные люди к фабрике не производят хлебопашества, и питаются одной работой на фабрике³³. В противном же случае, за недостатком на фабрике работы, содержатель фабрики обязан за прогульные дни платить поденную плату, дабы фабричные по случаю забираемого ими провианта не должались. Против сего пункта Бабкин сказал: «я дам работы всем, у меня будете ходить в красных рубахах». Вот, что правда, то правда, сбылось и на самом деле, по нужде и красные рубахи надели, которые в те времена носили свят день до обеда. Скажем, что в работе не было остановки а из хлеба не вырабатывались, ежели же и с голоду не умирали. А что прежде было нажито, то проедали.

В таком то крайнем положении, продолжавшемся³⁴ не малое время, бедные несли тяжкое бремя. То бывало месяц под исход а хлеб доели, и жди выдачи первого числа да возьми под выработку, а цены за работы платили бессовестно, сколько хотели сами. Хлеба нет, и несут бывало, у кого что случилось под заклад в мелочные лавки для покупки хлеба. И чем же было после выкупить ежели не тою же мукой выдаваемой из хозяйского лабаза под заработку. И нанесут бывало закладов лавочникам³⁵ целые груды. О, адская алчность, о, бессовестное лихоимство и лицемерное богомольство и бесчеловечие. Они, настолько ожесточившись, теснили всех без различия, от низко-рабочего класса и до мастера, прикащика и конторщика, а притом несмотря и на неспособность человека, принуждали в неприличные должности порядочных людей. И работай ему за третью деньгу против вольнонаемного!

А ежели по взгляду своему некоторых и освобождали от фабрики, то с увольняющихся взимая оброк от 25 и до сту 15 руб. Оброк взимался всегда вперед при выдаче паспорта.

Алчность с ненавистию смотрит³⁶ злобно на благополучие подчиненного своего. Они платили за работы своим подвластным цены бессос-

вестно, даже не по человечеству и христианству, в особенности мастеровым и прочим месячным. — вместо рубля тридцать копеек. Конечно подобно сему и вяше сих бывает [беда] попушением божьим за грехи наши. Пришла беда чело[ве]ку, а он не в сознании перед богом, то в скорости жди и другой, а третья тем же следом не замедлит. И подлинно так, на ту же пору и хлеб вздорожал до четырех рублей с полтиной и выше. По случаю же дороговизны хлеба, а в особенности низкой платы за работы, самые возможные семейства не избегали крайности в прожитии своем. Больным хлеб не выдавался, а малые дети хоть с голоду мри. Вот и было горем горе, по миру ходить не дозволялось без паспорта, а за паспорт нужно было оброк взнести.

Не убеждалась алчность слезами бедных людей, продолжая свое бесчеловечие, нисколько не следуя примеру Юсупова, который татарской будучи крови и поколения, а по человечеству — истинный христианин. Живши за ним, выдавался хлеб на взрослых мужеска пола и женска муки 1 пу[д] 32 фу[нта] круп $\frac{1}{4}$ в месяц, на малолетних половина пайка, больным выдавался хлеб сполна, неукоризненно кормил от малого и до старого. Но по случаю недостаточной работы на фабрике, конечно, фабричные могли и должаться конторе, а при средствах и уплачивались. А прочие между тем к фабрике не принуждались, а приобретали себе кусок хлеба иным средством.

По этой то причине, нередко фабричных крайность вынуждала беспокоить своих владельцев, в отношении задержки хлеба единственно. Но зачерствелые их сердца, ни мало в том не убеждались, а напротив того возражали: «О боже мой, боже мой, все просят «дай, дай», а нам то кто же даст?» и за настойчивое требование, как за грубость, нередко и наказывали в конторе при фабрике своей розгами, а иногда при рапорте отсылали в город для наказания и наказывались довольно чувствительно. Период владения Бабкиных может считаться самым тяжким периодом существования куп[авинских] фабричных. Бабкины всеми средствами стремились только к своей быстрой наживе, а подчиненных своих угнетали и притесняли самым возмутительным образом.

Конечно, фабричный народ, как мало развит[ой] и темный люд, самовольно требовали своих прав неоднократно, и справедливости в расчетах. А Бабкины, надеявшись на свое богатство, умели выставить и справедливые домогательства фабричных, как ³⁷ открытое неповиновение и возмущение против властей. В таком случае вынуждены были оные, и едва не все фабричные, подойдя к Бабкину просить в задержке хлеба, и настойчиво требовали. И неаккуратно высказался один из среды оных, за что Бабкин на невежу разсерчал и приказал своему управляющему отправить грубияна в город, чтоб наказать его, а сам уехал в Москву и советовался о том со старшим братом своим. А старший брат как бы тому и рад, и согласны оба были и прежде сего, как бы поучить мужиков. Упомянутый же грубиян был отправлен с сотским в город. Но как фабричные, вполне умы различные, — возыме-ли сострадательность к несчастному и решились не дать его в город. И гурьбой народа воротили его с дороги. Вот и началась скандалышна самая дурная и грязная. Контора тот же час уведомила о том Бабкиных и земский суд. Конечно, когда князь прежде сего держал Куп[авинскую] фабрику, городские судьи, а в особенности исправник едва ли знали, куда Купавна лицом стояла, а на фабрику боялись даже и заглянуть, уклоняясь как черти от ладану. А с купцами так сильно подружились, и едва сами то не скружились ³⁸. Бывало то и дело в Купавну, да в Купавну, и не выживешь из Купавны. И на этот раз исправник как тут и был и сносился перепиской с Бабкиными, а меж-

ду тем требовал вышесказанного грубияна. Фабричные, собравшись к исправнику, старались того человека оправдать, объясня[я] ему все свои неудовольствия из коих возникло дело: «мы все просили заодно в задержке в выдаче нам хлеба, а поэтому и мы все также виноваты, как и тот человек. Мы видим, что и подсудимых в остроге работою не изнуряют и кормят, как и следует, а мы как несчастнее и тех преступников, работою изнуряемся и в сытость хлеба не имеем себе».

О, несчастнейшие и достойны жалости все те, кои в крепостном положении находящиеся, как и под игом рабства. Несравненно, счастливей многие из животных, кои у сострадательных людей в лучшем виде живут и наслаждаются, нежели у притеснителей стелющиеся люди под

*стелся; в такомъ случаѣ вынужденными были они, едва ли
все фабричныя подобающаго пріестъ възвращеніи
хлѣба, и настоятеля требовали, именуя вынужденіи
исв. адгн. изречеб. оныхъ, за что бѣжнѣй кажебу разсѣла
и ипріказалъ свому управленію андріа въ 2-мъ
бѣла въ 2-мъ году наказати ево, а самъ уехалъ въ часту
исавѣщавши о томъ састарѣннѣ братамъ евоимъ, аста
рива братамъ кажебу. тѣмъ пріадъ, несчастны оба обѣи
и прежде сего кажебу. паучѣтѣ мѣстнѣхъ, упаминуты
же грубиянъ, былъ въ 2-мъ году въ 2-мъ году, упаминуты
пока въ фабричнѣ, впаде члѣнъ разсѣннѣ, возмѣне
сострадательна въ несчастному ирешѣвшѣхъ недѣтъ
ево въ 2-мъ году, и 2-мъ году народа въ 2-мъ году въ 2-мъ году*

ОТРЫВОК РУКОПИСИ КРОТОВА, ГДЕ РАССКАЗЫВАЕТСЯ ОБ ОБОБОЖДЕНИИ
АРЕСТОВАННОГО РАБОЧЕГО.

игом рабства обременяются. Здравомыслящий домохозяин привязавши пса на цепь и продуктами его снабжает, ожесточенные же властелины поступают³⁹ с своими подчиненными весьма презренно⁴⁰, а притом еще с теми, кои из одной с ними купели.

Но исправник никаких доносов и жалоб вовсе не принимал, а обвиняемого настаивал взять. А неопытный народ и мало развитый упорствовал и надеялся оправдать себя и требуемого, как и вполне невинного.

И насколько же бывает невежество самонадеянно, удивительно. Еще не успели первой беды с головы счесать, а луканька⁴¹ внушил тому же подлежаща еще начать. Именно что же. Когда бывше за князем, в то время избран был из среды купа[винского] общества человек в должность старосты, он же тогда назывался и мирской голова. Но частию в своем роде был неглуп, но весьма пронырлив и груб, а притом и грамотей. Служба его зависела от конторы владельца фабрики. По снятии Бабкиными Куп[авинской] фабрики, он сумел заинтересовать Бабкиных своею заслугою, и всем это вполне могло быть известно, почему он показал им свою службу, а к своему обществу нарушил дружбу. Народ, видевши в нем текущее, предчувствовал и худшее в будущей протекции, что и сбылось. Мнение народа в таком случае оправдалось ясно [что] и докажется ниже сего.

А впрочем, неоспоримо и то, что невежество народное более бывает склонно к самонадеянности, нежели к обсуждению. От бессмыслицы необдуманной вспыхнула искра в народе не во время и некстати, а

к вящей беде своей же. И что же именно? В эту же самую сумятицу встревожились сменить мирского голову, который уже успел заслужить Бабкиным и понравиться. И в это же смятение заявили исправнику о том, но без ведома владельцев своих, не вменив оное к самоуправству, относящемуся⁴² против власти, к которой и сами всегда подлежащи. Но исправник кстати этим поступком глупым мог заинтересовать Бабкиных к их удовольствию, которые и жаждали того самого удобного для их случая поучить мужиков, о чем и прежде сего советовались с исправником неоднократно. А потому и признано ими удобным в мутной воде ловить рыбу.

И начал Евреин⁴³ завлекать мужика невежу в свою злоумышленную мрежу, он подал мужикам дуракам повадок к тому «сменить так сменить, это дело ваше». Мужики рот разинули: «слава богу, исправник на наше желание согласен, и этот шаг для нас не опасен». И скоро мужики эти забрели в его лукавые сети. Увы, увы, необузданы умы, пошли и побрели, зашумели как шмели; «ну что еще осталось толковать, нужно человека в головы избирать».

Но вот на мысли себе голову выбрали, а наконец, при старосте его лет, сердечушку плетью выдрали. Выбравши нового голову и подвели к исправнику, указали ему как бы и заявили о нем. Исправник глупых похвалил, а себе на уме говорил: «Ну⁴⁴, будет же и вам два неполных, а за третью поподчивают плетью, ежели да не кнутом, чтоб вы дело делали путем», и сам уехал, а дело как бы затихло.

А народ успел себе заметить, что исправник никакой жалобы на Бабкиных в резон не принял, почему и придумали подать губернатору прошение и отправили двух человек тайно от конторы владельческой, из коих ходатаев, один будучи ни к чему несроден, а по оной части и вовсе негоден, а другой тоже только на пустяки боек и смел, а столь важного поручения исполнить также не сумел. Они и болтались недели две не знамо где. И что же затем, — недумано и негадано, вдруг неожиданно явился в Купавну батальон солдат с заряженными ружьями и с запасными боевыми патронами на [у]смиренье купавинских. Оные же весьма испугавшись и недоумевая⁴⁵ по какой именно причине возникло [с]толь важное и неожиданное происшествие, полагали, что доверители, посланные для подачи прошения, подали оное губернатору, который и сочтя оное за бунт, что не по форме суда утруждают его, [прислал солдат], или же [по]сообщению Бабкиных с земским судом и вытребована команда солдат.

А затем приехал советник губернского правления г-н Васильчиков, требовал подписку с купавинских к повиновению властям. Народ же опасаясь подписаться не вдаться бы в обман, и не признаться бы вполне бунтовщиками и не подписались, почему и приехал начальник губернии г-н Небольсин⁴⁶ и временное отделение. Потому что представлено было земским судом, [что]⁴⁷ купавински[е] фабричные взбунтовались, руководствуются самоуправством, не признавая власти, не повинуются и земскому суду, не хотят и владельцам работать так, как оным нужно.

Между тем, народ и губернатора не мог убедить своими жалобами на владельцев. И не принимая никаких улик на них⁴⁸, требовал от народа подписку к повиновению властям. Народ сомневался в заголовке и просили его для рассмотрения и проверки, но в таком требовании получили мужики отказ от губернатора. А потому мужики и не подписались. Губернатор распалился на народ и забрал под арест 24 человека и сам уехал.

Странное и жалкое положение было Купавинских. Всюду предстояло бедствие, а поддержать было некому, научить и помочь, кроме

правосудного, который по божественному своему правосудию, до времени терпит самым злодеям и извергам и наводит на нас вся злая сия грех наших ради. Он же, отец наш небесный, сколько ни гневается, а более того милосердует к угнетенным.

Вышеупомянутой же мирской голова действовал сильно против своих соотечественников вопреки, и стоял на стороне Бабкиных рука по руку держась. Военное же начальство, земский суд и временное отделение, производили судопроизводство при зеркале, в продолжении шести недель. Невинность вопиет к богу, суди господи обидящие ны, побори борющиеся ны, прими оружие и щит, восстани в помощь и защиту угнетенных от насилующих стяжателей. Всевышний не замедлил защитити, ими же веси судьбами, как от уст львовых, их мздоимных содейственников. Но не посредством же своего соотечественника или духовника, которой и присутствовал постоянно в заседании оном, а посредством постороннего доброго человека. Именно — из числа той же военной команды юнкер занимал должность писца, и постоянно находился в оном присутствии, а на квартире стоял у [о]дного из числа купавинских жителей. А благосклонность и заслуга сего домохозяства приобрела в нем к себе расположение и сострадательность. И решился домохозяин спросить его о производящемся деле относительно судопроизводства.

Он просил оного: «добрый господин, бога ради, пожалей бедных и невинностесненных людей, скажи правду, к чему может последовать столь настойчиво требуемая с нас подписка». Между тем оный немало в том сомневаясь объяснить ему, но наконец его просьбы секретно сказал: «нужно быть осторожным вам, вас ловят, и ежели вы подпишетесь к тому заголовку, который и приготовлен вам, то вы привьетесь бунтовщики и будете наказаны все от девяти десятый, девять розгами, а десятый плетью. Притом же из числа солдат бывавшие на [у]смиреньях в господских имениях также упреждали, что в подписке нередко бывали подлоги и нужно быть осторожными и осмотрительными. И все это было понятно, что весь этот синедрион ⁴⁹ вполне заинтересован. А о бедных людях при такой интересности судили хлад[н]окровно... И это уже было и всем не безизвестно.

В те времена российское правосудие (от бедного класса людей) не заслуживало к себе полного доверия. Нередко случалось и на практике во многих случаях, ничто же бо сокровенно еже бы неоткровенно, лицеприимство и мздоприимство едва ли не всегда выигрывало свою роль. И правда, закон мог дозволить из белого сделать черное, из черного белое, и все в руках судьи дело. Богатого едва ли когда признавали по суду виноватым, но более оправданным преспокойно оставался. А мужика бедняка нередко и правого обвиняли и с наказаниями в сибирские края посылали. Мужик всегда осуждался более виноватым, нежели правым. Бедный подписался в беду вчесался, и не подписался не оправдался. В те времена бедный был беззащитная мушка, для него на каждом шагу ловушка ⁵⁰.

Военное начальство и вообще все присутствие о бедных судили весьма хлад[н]окровно, и вызывать пытались подворно старшего из дому каждого, принуждали к подписке в присутствии священника сего прихода, который увещевал каждого подписаться, но и тогда бог спас. И судили при зарцале военным судом, как и бунтовщиков, купа[винских] мужиков и ослушников против властей. И постановлено было наказать всех неподписавшихся девятих розгами и десятого плетью, в удовольствие Бабкиных.

Вследствие того составляет[ся] проект, к которому подписались все присутствующие члены, в числе оных и мирской голова. О, боже мой, насколько же причастно к лицеприимству и христианское духовенство. Добровольно подчиняясь гражданской интриге [священник] засвидетельствовал подписом руки своей как бы непокорность оных людей к подписке и знак⁵¹ неповиновения властям. И все это хранилось между ими секретно.

Наконец дело это было представлено на утверждение его сиятельства московского военного губернатора князя Голицына, который, слава богу⁵², по рассмотрении оногo дела, аки бы всевышним вразумлен будучи [приказал] учинить дознание о том чрез тайную полицию, отобрать подробно сведения от военных нижних чинов именно от солдат, в чем дело заключается это и каков народ именно.

Вот и бьют в барабан тревогу в 12 часов ночи. Солдаты стоявшие на [у]смиреньи собрались в поле во мгновение ока, и допрашивались начальством тайной полиции о всем подробно. Солдаты, как верные царю и отечеству, рассказали по справедливости: «как мы видим, народ смиренный, урочное время беспрекословно работают. А в рассуждении провианта, крайне претерпевают недостаток, почему из жалости к их детям иногда уделяем им от своих пайков, а жители нашим у них пребыванием не стесняются. А что касательно до бунта, они в том не подозреваются нисколько».

Таковые дознания отобраны и доставлены военному губернатору, который и убоясь бога сказал: «бедных обидеть недолго, а судить должно по справедливости. Мужик в подписке силы не знает, и она с него не требуется». И нарушил оный проект. А начальство, во уважение владельцев, не упустило из виду наказать шесть человек, из коих наказаны двое плетью заплочным мастером довольно строгого, один из них тот самый из за которого весь дурной процесс возник, а другой тот, которой избран был в головы самовольно. И осуждены, как мятежники и возмутители. А еще трое наказаны плетью из рук сотского постороннего, а шестой человек семидесяти лет уволен [от] телесного наказания, исключая ссылки. В ссылку же посланы четверо, а двое отданы по ходатайству вышеупомянутого куп[авинского] головы, как бы на произвол владельцев оных, и оставлены были в остроге, а после всего вовсе освобождены. Экзекуция же производилась в присутствии регулярного⁵³ войска, пехоты, жандармов и казаков, окольных и прочих обывателей и зрителей итого до 5 000 человек. И вся публика известна в невинности оных, и кричали все единогласно «наказываются напрасно».

А затем не замедлили явиться и те два путаника назвавшиеся ревнители и ходатаи, явились к своим доверителям ни с чем, которых владельцы тоже запрятали за самовольную отлучку в каменную клетку, а затем и положили им на спину плетку, в стенах земского суда.

Впрочем же правительство взошло было в рассмотрение, как и должно. Начальство в Купавинской конторе выписывало положение некоторых семейств при фабрике находящихся. Возможных семейств выписывали заработки и забор провианта, между прочим рассчитывая все вообще необходимое прожитие, и соображаясь с положением высочайше утвержденным 11-го декабря 1803-го года. И это дело представлено было в Петербург, в мануфактурный совет, на обсуждение. И по рассмотрении оногo, Бабкины признаны были вполне виноваты.

Справедливость закона и само дело указывало им дорогу за тиранство народу на дачу восточного климата⁵⁴ для прочих называема

Сибирь. Но ежели богатые на этот случай будут тароваты, и хорошо с судьями знакомы, найдут средство изменить законы в пользу богатых. Скажем, что деньги не бог, а кто же бы тирану и помог ежели да не деньги. Потому собственно Бабкины купавинским мужикам и говорили неоднократно: «А дурак мужик, болван, ведь нам генералы служат».

Удивительно, зазнавшись человек бога уже не боится и людей не стыдится, а надеется на свое богатство. Не рассуждая то, что по законам суда признаны вполне виноватыми, и едва чрез своих содейственников значительных могли избежать сибирский край, где был эдемский рай, от которого в жизни своей вполне отказались, потому что в своем окаянстве не сознались, и недовольны еще остались судом, которой для их много сделал снисхождения. А им желательно было чтоб все издержки, сколько им стоило по судебному делу и экзекуции содержание военной команды и прочие расходы, взыскать с купа[винских] фабричных. Но правительство во многом уважило их, а в последнем бессовестном их требовании и безбожном вполне отказало, ибо издержки взыскиваются с виноватых со штрафом, притом же и люди то казенные, а к фабрике то только приписаны они по своему давнему занятию.

Конечно, может быть в таком случае Бабкины и завлечены были к тому своими же друзьями за ихнем столом и хлебом-солью, на которых они вполне были во многом расположены и презентом еще уболагодворены. А между тем, хотя Бабкины и грамотеи, но писание псаломника проглядели; «не надейтесь на князи, на сыны человеческие в них же несть спасения», и на неугад свой неусыпленная совесть весьма досадовала, что не так состоялось дело, как ими план был составлен, и без удовольствия оставлен и разрушился. И весьма о том тужили и скорбели. И несколько времени спустя после судьбища, старший из них брат—бывше в Купавне на фабрике и в обделочном корпсе сидел и за перекаткою сукон. И в разговорах с мастерами-иностранными вели речь о прошедшем судопроизводстве. Бабкин к речи сказал со вздохом тяжким: «О боже мой, боже мой, у нас в России Шемякин суд, а правды нет и нет». В ошибку же сказал: «мы же неправы нас же и винят», а затем, спахнувшись⁵⁵ довершил речь тем, что «нас обижают, нас же и винят». И это было говорено при моей личности. Собственно потому я мог и знать более прочих, что находясь у них при фабрике в числе должностных, по своей должности и едва не всегда, я часто при них находился и успел кое что наслушаться от них лично.

Затем, бессовестные, подобрались было под казенное имущество, принадлежавшее искони купавинским крестьянам, посредством таких же бессовестных, как и сами, искусных содейственников своих и были вполне уверены в том, что неизменно последовало оное в их собственности. И старший из них брат весьма был к обидам рад. Он, как обработал это дело, в одно время и приехал домой из гостей вечером (в Москве это было дело), и прямо в домашнюю свою контору, подвыпивши, и довольно был навеселе. Войдя в контору увидел любимца своего прикащика, который у них долго жил и правил всей конторою. Назвавши его по фамилии сказал ему: «А, а, брат, слава богу, слава богу, все дело обработано и конечно в нашу пользу». Прикащик спросил: «что же это такое». Бабкин объяснился: «о, брат, мы купавинских дома можем палить в дрова и топить паровую печь, все наше, все наше».

А при входе в контору, Бабкин еще одного конторщика не заметил, который был из купавинских. Он был в стороне и слышал этот разговор весь, а по времени сообщил в разговорах и купавинцам своим тоже.

А при том не замедлил слух и среди публики пробежать, и многим из купечества было известно о том, и неоднократно между купцами на бирже разговор происходил: «Бабкины хорош кусок захватили в Купавне, да как то им придется его с'есть». А между прочим они в Купавну ездили каждую неделю обозревая всю местность купавинскую, а в особенности, с жаром смотря на лес и говоря: «эко сокровище, а все наше» и называли лес брильянтом, которого было тогда как 1 300 десятин строевого, исключая дровяного мелколесия, и на всю местность указывая, говорили: «лес и вся купавинская земля и самые дома жителей, все мое, все мое, только небо, небо не мое».

А лес находящийся при фабрике по милости высочайше утвержденного 11-го декабря 1803-го года [положения] состоял не столько для фабрики, а более для приписных к ней крестьян. Бабкины же вполне уже сочли его за свою собственность, а жителей теснили до нельзя в отношении поправки строения и топлива. Когда лесам не знали конца, а они позволяли брать только можжевельник и с высоты с строевого леса сучья, с которого нередко люди падали и увечились, убивались и до смерти. А необходимость к тому вынуждала каждого, хотя б здоровья лишиться или вовсе жизнью поплатиться безвременно.

Конечно самолюбие могло вышеупомянутого голову склонить на сторону Бабкиных и внушить им пагубную мысль к завладению купавинским имуществом и удалению оных от места жительства. А именно, в одно-некоторое время, голова предложил Бабкину свою мысль, и дружеский совет: «Ежели вам угодно будет некоторых из Купавы удалить, то это не трудно будет». «А как бы это можно сделать»? Услужливый вынул тот же час из-за пазухи своей список и сказал: «вот у меня хранится после отца моего, из которого видно, при открытии Купавинской фабрики шелковой, сколько населенного народу и кто именно откуда прислан. И впоследствии казною все приписаны к фабрике». Принял Бабкин этот список и [по] ветхости оного с трудом рассматривал⁵⁶. А по рассмотрению сказал тому слуге. «А, а, брат, вот ты мне друг, благодарю тебя за это, и я же тебя не забуду, я их всех шукну, они у меня все как червяки расползутся по своим местам». Поступок же этот такого рода, для своего народа, один как режет, а другой ему держит, или же, первый как предатель, а другой распинатель.

Еще же между тем [стали] сеять в народе лжеплевелы и уверять, яко бы по нынешним правам (коих вовсе и объявлено не было) леса и земли принадлежат посессионным владельцам, а мы им обязаны платить поземельные. Потребуется ли глина для печи, и за ту будем платить владельцам фабрики. Да, иногда трудно бывает уверить народ даже в самой истине и справедливости. А подобная ложь, едва не всеми, а многими замечаема была и подозревалась, и мало тому верили лжеплевелу, но перечить ему никто в том не смел. И на эти лживые речи не было ему встречи, а только одно оставалось говорить: «да, да, ну, может быть и так», а многие думали про себя «едва ли так».

По истечению времени в Купавне все дело приутихло, а Бабкиных хлеб-соль не забыта и запавшая искра в народе не потухла: и нашлись люди немудрые, а с порядочным умом между тем. Без всякой огласки

народной аккуратно подали прошенье министру финансов по почте, в коем пояснено: «Мы нижеозначенные казенные бывшие крестьяне, приписаны будучи к Купавинской казенной шелковой бывше фабрике, а ныне суконная, почетных граждан московских купцов братьев Петра и Ильи Семеновых Бабкиных, и значимся посессионными, но все казенные повинности исправляем сами собой, именно, окрестные дороги починяем, как и прочие крестьяне, также и подводы казенные правим, рекрутскую очередь исправляем натурой, а если иногда вносим деньгами, то с нас же собранными. А подушевой оклад хоть и вносят владельцы фабрики, но из нашей выработки с нас вычитают. Но как мы видим прочих подобно нам посессионных — они живут в квартирах владельцев своих, пользуются отоплением и освещением, и все вообще что касается до поправки квартиры делают в счет владельца фабрики. От окрестных дорог и казенных подвод свободны, рекрутскую очередь не правят, подушевых сами не плотят, а владельцы. Мы же вышеупомянутые, искони века живем в своих домах собственных, и все домашнее содержание имеем от себя. И какое же имеется между нами неравенство, нам желательно уведомиться о том. Вследствие сего приемлем смелость всепокорнейше просить ваше сиятельство, удостоите нас своими милостями в дознании сем».

Принявши министр дело на вид и при соображении оного нашел явное уклонение Бабкиных от следующей обязанности им, и предписал московскому начальству освободить крестьян купавинской фабрики от всех казенных налогов и повинностей, а взыскать оные с Бабкиных. И было им о том объявлено.

А между тем, старший брат из них приехавши в Купавну на фабрику и сидевши у дому своего под балконом подозвал к себе купавинских мужиков и спрашивал, «кто из вас подал прошенье министру?», и промолвил: «мошенники, мошенники, вы напишите бумаги клочек, а он меня в суд волочит» и плакал с досады. Но нечерез долго и помер. Но уже по смерти его освобождены оные от налогов.

А впоследствии отомстили и тем, которые подали министру прошенье, но впрочем не без помощи своего содейственника мирского головы. И к оным кстати еще и других прицепили, кои неодобрительной жизни, но впрочем по приговору вынужденного к тому общества, и послано пять семей на поселенье в пример другим, дабы впредь прочие не отважились в подобном сему случае беспокоить владельцев.

III

[УКАЗ О ПРЕКРАЩЕНИИ ФАБРИЧНОЙ ПОССЕССИИ. ПОССЕССИОННЫЕ ВЛАДЕЛЬЦЫ ХОТЯТ ОТНЯТЬ У ФАБРИЧНЫХ ЛЕСА И ЗЕМЛИ. ИСПРАВНИК ОБЪЯВЛЯЕТ КУПАВИНСКИМ ФАБРИЧНЫМ, ЧТО ЛЕС И ЗЕМЛИ И ДОМА ИХ ПРИНАДЛЕЖАТ БАБКИНЫМ. ФАБРИЧНЫЕ ДОБИВАЮТСЯ ПРИПИСКИ В ГОСУДАРСТВЕННЫЕ КРЕСТЬЯНЕ С ОТДАЧЕЙ ИМ ВСЕЙ ЗЕМЛИ. ИСПРАВНИК ОБЪЯВЛЯЕТ ВЫСОЧАЙШЕЕ ПОРЕЛЕНИЕ О ЗАЧИСЛЕНИИ ВСЕХ КУПАВИНСКИХ В ГОРОДСКОЕ СОСЛОВИЕ. ФАБРИЧНЫЕ ПОДОЗРЕВАЮТ ИСПРАВНИКА И БАБКИНЫХ В ПОДЛОГЕ. ИСПРАВНИК ПОРУЧАЕТ АВТОРУ СОСТАВИТЬ «ЗАГОВОРОК» О ПОДЧИНЕНИИ ВЫСОЧАЙШЕМУ ПОВЕЛЕНИЮ И УГОБОРИТЬ НАРОД ПОДПИСАТЬСЯ. СОБРАНО ДО 70 ПОДПИСЕЙ. ИСПРАВНИК РВЕТ ЛИСТ С ПОДПИСЯМИ. НО ЗАТЕМ СОЗНАЕТСЯ В СВОЕЙ ОШИБКЕ И ПОРУЧАЕТ АВТОРУ НАПИСАТЬ ТАКОЙ ЖЕ. ФАБРИЧНЫЕ УПРЕКАЮТ АВТОРА В ИЗМЕНЕ И ОТКАЗЫВАЮТСЯ ОТ ПОДПИСКИ. НАСИЛЬНО ПРИНУЖДАЮТ ПОДПИСЫВАТЬСЯ, УПОРСТВУЮЩИХ ДЕРЖАТ В ОСТРОГЕ. ПОЯВЛЕНИЕ СОЛДАТ. ПРИЕЗД ГУБЕРНАТОРА. ЗА ОТКАЗ ОТ ПОДПИСКИ НАКАЗЫВАЮТ РОЗГАМИ. КУПАВИНСКИЕ ЗАПИСЫВАЮТСЯ Р. ГОРОДСКОЕ СОСЛОВИЕ.]

Состоялся высочайший указ в 1840-м году о прекращении фабричной поссессии⁵⁷. А как указом предписано, так и от министра финансов объявлено без самоналейшего изменения: всем фабричным поссессиионным крестьянам разрешается свобода на три разряда: в купцы и мещане и в государственные крестьяне, кто куда и в какое именно сословие пожелает.

А потому посессионные владельцы между собой и обсуждали: «ежели фабричные поступят на крестьянство, то леса и земли, которыми мы с давних лет и по сие время пользуемся, будут скорее принадлежать в надел крестьянам, а не нам. Притом и могут ли они тогда из'являть нам свою благосклонность, как и прежде до сего времени, не будут ли на нас смотреть презренно, как овцы на волков. Но и мы уже как волки, порвали же и им холки, долго не забудут и нашу хлеб-соль. А ежели поступят в пользу крестьян леса и земли и все угоды, тогда мы всего лишились. И кто ж тогда у нас должен работать на фабриках? А нам нужно поставить себе за непременно стараться всем заодно во что бы то ни стало. А посессионных людей нужно всех склонить и зачислить в городское сословие, коим земля не принадлежит, исключая того, что под оседлостью. А может быть найдутся средства и вовсе удалить их с места жительства по городам, то без сомнения все леса и земли могут поступить в нашу пользу. А мещанам тогда некуда будет деваться. И принуждены будут у наших ворот увиваться, просить работы, а нам меньше заботы, сколько за работу то ни дадим и то будут работать, как добровольные рабы наши навсегда.

Вот те и свобода, как осенняя ненастная погода, радуйся и ра[з]-живайся как знаешь!

И что ж, наконец, и вправду, так как оными совещалось, так и состоялось, горькому Куземке⁵⁸ везде горькая и песенка. Таким образом, почетные наши граждане опланировавши⁵⁹, составивши компанию, попировавши, в уклонение совести и человечества [решили]: быть посему, за толстым визитом и расходом не стоять, а искусных и доступных [стряпчих] нанять. А затем кошельками своими загремели, а чиновникам и стряпчим путать и стращать мужиков велели. Мужик невежа, как муха-гремотуха, среди рабства воспитан весьма грубо, а стряпчий хитрый, как паук, от образования и наук,—а к тому делу скоро явились и генералы, кои с бессовестных богачей деньги обирали. Потому и Бабкины мужикам купавинским говорили: «А дурак мужик, болван, ведь нам генералы служат». Конечно, бессовестным богачам генералы за деньги служат, а по смерти бессовестных обиженные ими вовсе не тужат.

И как выше сего было говорено, так и сотворено. И действительно, по об'явлению свободы, едва не все посессионные владельцы успели воспользоваться своим предприятием, исключая Бабкиных, которые о том всех раньше загадали, и более прочих жаждали. А неизследимый суд божий совершить сие адское дело⁶⁰ не попустил им, и не замедлил послать на них вселютую неумолимую и немздоприимную смерть нежданно⁶¹. А наследницы по ним покусились было воспользоваться, как выше сказано, и получить из казны вознаграждение за освобождение из под ярма людей, по примеру других владельцев.

А как время и само дело вынуждало каждого владельца исполнить высочайше утвержденное 18-го июня 1840-го года [мнение] о прекращении фабричной посессии, Бабкины же наследницы, а жены Матвеева⁶² и Бородина следовали по примеру прочих владельцев—и должны были также освободить своих невольников, и как бы очередь дошла и до купавинских. В 1849-м году, в сентябре месяце, приехал в Купавну из Богородска исправник г-н Вяземский, и при собраньи купавинских фаб[ричных] крестьян читал исправник об'явление свободы оным на три разряда: в купцы и мещане, и в государственные крестьяне. Притом же, как бы само провидение управляло оным делом к спасению оных людей. Исправник же как бы вынужденным на-

шелся высказать сущность дела таящуюся доселе, объяснил народу оному: избирайте себе род жизни и приписывайтесь, кто куда пожелает. Желавшие приписаться в городское сословие, должны поселиться при городе, а кто пожелает в государственные крестьяне, то последуют в дальние губернии[и] на пространные земли. А здесь землю должны вы очистить, потому что вся земля, и лес, и дома, в которых вы живете, принадлежит владельцам фабрики и их наследникам без изъятия, кроме имения вашего, которое только что есть на вас».

Таким объявлением народ как бы громом поражен будучи, и в горести души мог один другому сказать: «вот те, православные, объявляется нам неожиданно, как горячая загвоздка, горя же и слез целая повозка». Кто с малых лет своих слез не проливал, а в это время едва ли кто их миновал. Теперь то мы вполне узнали, что нам предсказывал наш соотечественник мирской голова и содейственник Бабкиных. И исправник тоже самое объяснил.

Такое убийственное объявление встревожило всех до бесконечности о лишении родины своей и места жительства и самых даже домов кровавым потом нажитых нами. И в это время и работа никому на ум не шла, всюду происходили в народе толпы, молва, сходки, в домах и семействах слезы, издохи, и все вообще как бы к смерти будучи приговорены или скорой высылке, неизвестно куда и когда. И сколько же было тогда прискорбия и хлопот кое с кем из судейских.

Между тем, показывали копию с высочайше[го] упомянутого положения 1803-го года, которая между жителями хранилась доселе, почему и обсуждали иные так, а другие сяк, а третьи иначе. А положительно утвердить никто в состоянии не был. А между прочим более советовали писаться в крестьяне с уступкой всей оной земли, которой предки наши владели, как значится она по планам прилежаще[й] к Купавне без изъятия. Почему и изъявили желание в государственные крестьяне 896 ду[ш]: «При означенной земле, принадлежавшей казенным крестьянам приписным к фабрике и при удобстве владеемой в возможности будем уплачивать все казенные повинности, и приобретать себе с семействами содержание». А затем изъявили желание и в городское сословие 115 душ также при оной земле. А [на] переселение с одного места на другое, хотя б и на самое ближайшее, составит[я] [с] каждого двора не менее 300 ру[блей] серебром. А по недостаткам своим исполнить мы оного не в состоянии».

В таком будучи [положении] отобраны были отзывы и доставлены министру финансов. А люди, изъявившие желание на крестьянство вслед затем послали в Петербург своих людей, дабы подать к дополнению своего отзыва министру прошение, с приложением копии с высочайше утвержденного положения 1803-го года. А в прошении пояснив, что нам при объявлении свободы заявлено, якобы лес и вся земля значащиеся при фабрике казенной, прежде бывшей шелковой и ныне суконной. московских купцов братьев Бабкиных, а по них наследники их, принадлежат оным, даже и самые дома сих жителей, [так как] ⁶² Бабкины все оное в казне купили. Министр финансов принял дело на вид то и другое, именно отзыв и прошение с упомянутою копией положенья, а потому и обращался к способам и [у]стройству оных людей.

А из прошения и видно было, что оным объявлено так, что все имущество, находящееся при фабрике, земля и лес и дома жителей оных принадлежат владельцам фабрик. А из положения дознается, напротив, именно, приписаны казенные люди к фабрике для занятия их промышленностью, а лес и земля есть бо собственность казны,

как и люди оные, а не принадлежность владельческая. а наипаче в житейских домах Бабкины не имеют никакого участия. А ежели зависть Бабкиных и уважалась посредством его содейственников за большие презенты, [то] ⁶⁵ впрочем должно быть не иначе как на словах, и надеялись обмануть правительство и завладеть всем тем, как выше сказано, в свою пользу, а людей смести с земли. А правосудный не на каждое злопроизведение попускает злодеев, иногда внезапно сотрет с лица земли оных.

А между тем муж наследницы Бабкиной, Матвеев, по поручению жены своей Ма[рии] Ильиной и свояченицы ⁶⁶ Капитолины Бородинной, адресовался по этому случаю также в Петербург ходатайствовать, дабы воспользоваться за освобождение посессионных людей из казны вознаграждением, как и прочие владельцы, а с тем вместе и всем имуществом купавинским, а людей зачислить в городское сословие. Но буде же, сверх чаяния, того не состоится, то по крайней мере исходатайствовать под фабрику участок земли.

Но при соображении сего дела министру следовало иметь в виду, на каком основании вышеупомянутое купавинское имущество могло принадлежать Бабкиным, и для оного требовался от них крепостной акт, которого они не имевши, представить того были не в состоянии. И в таком случае по совету знатных лиц, надлежало им отозваться незнанием, а дорожить более своим благополучием и спокойствием, нежели интересоваться тем, что им не принадлежало, а угрожать могло более опасностью в ответствовании, и довольными быть своим уделом по наследству.

В таком-то случае упомянутые наследницы, видя неуспех в своих предприятиях, отказались [что] ⁶⁷ их родители, когда снимали Купавинскую фабрику, тогда они, наследницы, были еще младших лет, но по младости лет и женскому положению в домашние дела и коммерчество не могли входить касательно и до сего предмета. «Но и при кончине наших родителей тоже, по случаю жестокой их болезни и скорой смерти, не имели удобства в оном дознании. На каком основании значится принадлежащим купавинское имущество к собственности наших родителей нам неизвестно».

А потому товарищ исправляющий должность министра финансов г-н Вронченко, отношением своим от 1-го июня за № 3398-м уведомил, что из доставленных его сиятельству списков и отзывов об избрании рода жизни предполагаемых к увольнению в свободное состояние посессионных крестьян Купавинской фабрики наследниц Бабкиных, из списков видно, что изъявили желание приписаться в государственные крестьяне наличных 896 душ мужеска пола и 971 женска, изъявили желание и в городское сословие приписаться 115 ду[ш] муж[еска] пола и 149 женска. Но как первые, равно и последние, те и другие, все они просят, чтоб земли, как собственность казны принадлежащие селу Купавне, были бы оставлены в их собственность, переселение же на другое место каждого дома для их отяготительно, а для казны также сопряжено с значительным расходом. Затем и просил он министра государственных имуществ г-на Киселева об уведомлении, признает ли он возможным допустить приписку всех в городское сословие с предоставлением в их пользу земли и леса.

На сие генерал адъютант граф Киселев признает как неудобным, именно потому что поступившие в государственные крестьяне не могут иметь достаточного наделения к дополнению для землепашества, за неимением в Московской губернии казенных свободных земель. По всем сим уважениям министр государственных имуществ, соглас-

но с мнением совета мини[стра] финансов, полагал бы купавинских всех зачислить в мещане города Богородска [и] предоставить в их пользу занимаемые ими ныне усадебные, огородные и сенокосные земли. А лес, находящийся при фабрике, дабы по показанию оных людей не был употреблен не только ими, но даже и для самой фабрики, признан⁶⁸ правительством, как прямая собственность казны, и суждено зачислить оной в число казенных лесных дач.

Министр финансов, основываясь на заключении мини[стра] государственных имуществ, входил в государственный совет с представлением оным, испрашивая между прочим разрешения: 1-е, принадлежавших купав[инской] фабрике наследниц Бабкиных Московской губернии[и] Богородского уезда в селе Купавне фабричных людей в числе 944 душ мужеска пола и 1033 женска по 8-й ревизии, исключив из оклада за наследницами Бабкиными, уволить от фабрики, как приписных от казны, без выдачи за них вознаграждения; приписать их в мещане города Богородска, предоставить льготу от казенных податей, личных и денежных повинностей на 8-м лет, считая срок с начала года, в который совершится их перечисление с тем, чтоб в течение последних четырех лет платили половину казенных податей; [дать] льготу от рекрутской повинности в продолжение 3-х наборов рекрутских со времени перечисления их, а бессемейных и дряхлых причислить в оклад только для счета, не облагая их податями и повинностями. 2-е, предоставить в их пользу занимаемые ими ныне усадебные, огородные⁶⁹ и сенокосные земли, равно как и дома, в коих они ныне живут, и выдать им без пошлины данные. 3-е, находящийся при фабрике лес зачислить в число казенных лесных дач.

Государственный совет, рассмотрев представление [министра финансов]⁷⁰ и сообразив обстоятельства настоящего дела и высочайше утвержденные 18-го июня 1840-го года насчет прекращения фабричной поссессии правила, признал нужным для положительного разрешения сего дела иметь в виду между прочим окончательной отзыв тех из поссесссионных людей, которые ходатайствовали в государственные крестьяне, желают ли они поступить в городское сословие на основании вышеизложенного и вследствие сего [приказал] сделать надлежащее распоряжение.

Во исполнение такового положения государственного совета, просить его превосходительство приказать отобрать отзывы [по]вторительно от купавинских, из'явивших желание в крестьяне, желают ли они приписаться в городское сословие с предоставлением им вышеупомянутых льгот в платеже податей и рекрутской повинности, а также с отдачею в их пользу домов и занимаемых ими усадебных огородов и сенокосных земель. Отзывы доставить к нему. Вследствие сего, второе отделение губернского правления поручило земскому суду подлежащее исполнение вышеизложенных отношений г-на министра с тем, чтобы представить требуемые его сиятельством вышеупомянутые отзывы немедленно и представить в правление. И было о том купавинским объявлено чрез земскую полицию.

Оные же люди⁷¹, видя из дел, что в первом об'явлении беспрекословно дозволено писаться в крестьяне, кто пожелает, а притом и государственный совет, без нарушения из'явленного желания на крестьянство, требовал из'явления добровольного от оных людей, а потому оные, не уклоняясь от своего предприятия, отвечали и на второй вопрос: «желаем на крестьянство, при всей той земле без из'ятия значащейся по планам принадлежащей Купавне и при своем местожительстве». А к тому же еще об'яснились и в том, ежели прави-

тельством будет признано невозможным по малоземелию всех оставить на крестьянство, то по крайней мере оставить следующее количество, а прочую часть поместить на крестьянство, где указано будет правительством. В том и подписались, в несомненной надежде будучи на благотворительное правительство не лишиться желаемого предмета.

А между тем, спустя время, исправник приехавши в Купавну, собрал народ и объявляет купавинским сверх чаяния и неожиданное: высочайше повелено купавинских зачислить всех в городское сословие. Народ, по выслушании того, отвечал исправнику: «помиосердуйте над нами, на то была власть самого правительства объявить свободу на три разряда сначала, а затем и государственный совет, исполнительно руководствуясь высочайше утвержденным [указом] 18-го июня 1840-го года и приказал [по]вторительно добровольно спросить и непринужденно, не пожелают ли они все в городское сословие. А [вы] все объявляете нам напротив и вопреки нашего желания. В таком изменении, мы подозреваем⁷², есть воля ваша, и не подумавши подписаться мы не можем. Ежели бы сначала признано было невозможным допустить приписку на крестьянство, то и для чего ж было невозможное объявлять, а удобнее бы распорядиться и с нами, как с Осокиными людьми города Казани; князя Гагарина — не требовали от них отзыва и заявления их желания, и повелительно зачислены в городское сословие без всякой тревоги и проволочки, ближе к развязке».

Конечно⁷³, не стоило бы в том и сомневаться настолько, ежели бы между ними не подозревалось ходатайство владельцев фабрики и наследниц их. А у купавинских всегда сохраняться могло в памяти и на сердце их то, что касательно до самих Бабкиных и наследниц их. А в особенности в завладении имущества всего вышесказанного заверил народ содейственник Бабкин[ых] упомянутой куп[авинский] голова. А напоследок и исправник подтвердил при объявлении свободы. И как спящий доселе народ разбудил и вооружил к сомнению и недоверчивости связанных крепостным рабством.

Между тем Матвеев лично склонял служащих у них при фабрике и конторе в городское сословие, а также и контора их склоняла прочих, то ласково то угрозами и мщением и явно из сего могло подозреваться в подлоге, что и можно увериться каждому из ниже следующего рассказа.

А уполномоченные от общества по сему предмету проживали в Петербурге чуть не два ли года, но полезного своим доверителям составили немного, исключая значительного расхода. Они писали в рассуждении второго вопроса государственного совета своим доверителям: «не верьте, что обещают вам предоставить по второму вопросу, это лживо, а вы держитесь, не сдавайтесь и в мещане не соглашайтесь». И письма их у меня доселе целы хранятся. По случаю же оных писем народ расстроен был до крайности.

Между тем исправник возражал против народа: «желание имеете на крестьянство и молчали вы до сего времени и на второй вопрос ничем не отвечали». «Помилуйте — ему говорили — как не отвечали, как же иначе было отвечать, отзыв нами подписан был и подан». «Как подан — крикнул исправник на мужиков — когда и кому. и может ли это быть подан». Народ ему отвечал смело: «правда, правда, подан, мы пред вами лгать не смеем». «Да кому же подан приговор?» «Приставу второго стана, г-ну Сахарову для доставления куда следовало». Исправник изумившись замолчал, закусивши губы и дело смекнул, и несколько помолчавши сказал: «Да, но этого уже

не воротишь и изменить нельзя, а что высочайше повелено, тому повиноваться и непременно всем должно подписаться». Народ же увериться в том не мог, а полагал [что] в том подлог имеется чрез ходатайство владельцев, и подписаться не соглашались.

Но конечно сказать правду по себе, что и я тоже человек в подобных сему случаях, тоже неопытный [хотел] исключительно [по] ревности моей стать за справедливость и сколько возможно защищать оную и предохранять по совести. Я у Бабкиных находился при фабрике в числе должностных и часто обращался около их, и успел кое-что изустно от них послушаться, а прочее мог от иных служащих почерпнуть. Цель оных вышесказанная недалеко от меня скрывалась, почему и я сначала не менее прочих сомневался подписаться, а ревность моя к общему благу не давала мне отнюдь покоя ⁷⁴. И во все время продолжения перехода одного действовал беспристрастно и бескорыстно, как пред богом ска[за]ть откровенно, почему и народ мне доверял себя во многом. Я решился исходатайствовать у исправника копию с одного указа, с которой и обращался к сведущим людям, и употребил все средства в домогательстве избежать подписки, неуклонно требуемой. Наконец всего домогательства не нашлось средства уклониться, а неизбежно советовали повиноваться высочайшему повелению и подписаться, а колыми паче руководствующим по сему предмету относительно ко мне и прочим со мною действующим.

А по указанию конторы, а более моих недоброжелателей, исправник обратил на меня полное внимание и сказал: «как я слышал, что упорство народа к подписке зависит в тебе, но я тебе от души моей советую и пред богом, займись и уговори народ подписаться. Это послужит к твоему благополучию, а иначе ты первый должен пострадать». И строго приказал и поручил мне написать заголовок, к которому следовало всем подписаться, а притом же нужно было не промолчать и желание свое на крестьянство, и наконец из'явить повиновение высочайшей воле. И сколько же для меня стоило эта комиссия, истинно сказать, что один только бог знает. Получивши же такое невольное поручение, советовался с людьми, знающими дело, которые положительно советовали [что] необходимо подписаться. И с мнениями оных я согласен был, исключая народного разногласия, и притом заботился неусыпно избежать вреда себе и прочим не навлечь.

Насколько я вразумлен и уверен был, не менее того желал уверить и прочих подписаться. Между тем, некоторые посамостоятельнее, имевши более ко мне расположения ⁷⁵ по личному моему убеждению начали подписываться. И набралось было до 70-ти семей подписавшихся. Можно предполагать было, что едва не все подписались бы, исключая гордых и упорных невеж, которые привыкли по грубости своей своебышничать.

Но к общему всех несчастью скоро исправник приехал в Купавну и потребовал от меня порученное дело. Я подал ему приговор, к которому начали подписываться. Он начал оный просматривать в каком он выражении написан и дочитал ⁷⁶ до речи о крестьянстве и войдя в озорность разорвал его пополам, и [с] дерзостью и укором отдал его мне обратно. А я ему сказал смело: «напрасно вы изорвали не прочитавши до конца». Однако ж принужден был взять у меня и прочесть, и нашел его следующим, и признался в своей неосмотрительности, сказал мне: «да, но напиши такой же другой и подписывайтесь к нему».

Конечно исправник в таком озорном поступке вполне неправ, не ограничил свой нрав и дело сконфузил, завязал в неразвязный узел к

общему сожалению, потому что и к первому приговору подписывались неохотно, а единственно только по убеждению в присутствии моей личности.

А между тем, грубая и упорная часть народа по гордости своей, не хотели и слушать благоразумных внушений, а руководствуясь самонадеянностью и презрением к людям ⁷⁷, выше себя никого не ставят, и цены вещам и делу не знают, почему и начали на меня роптать, а мои полезные предложения в грязь ногами топтать и волноваться, а в невежестве и не думали сознаваться. А потому я другой приговор или заголовок написал, и по случаю разногласия и мятежа более убеждать и присутствовать с ними не стал, передавши им приговор другой, и не нашел нужным перед сумятицей сгибаться дугой, а сказал им: «вот вам такой же заголовок, каковой исправник в озорности разорвал и он же признал его резонным. Я за непременно признаю: неизбежно подписаться должно всем, а вы несогласны и самовластны, ропщете на меня до-нельзя, волнуетесь до бесконечности за все мои труды и хлопоты из-за вас, глядите на меня презренно как бы и на изменника своего и укоряете: «ты де изменил нам, подписался в городское сословие». И ваше ко мне нерасположение, бессмысленные укоризны нетерпимыми для меня предстоят.

Лишившись от народа, а более сумасброда ⁷⁸, расположения к себе и доверия, тогда уже более действовать я не в состоянии был, и мог пред исправником извиниться и от поручения онего отказаться. Затем исправник принимал свои меры, но и тому не было веры. Не находя иных средств склонить народ к подписке, вызывал приказом в земский суд по 10 и по 15 человек, принуждал к подписке: которые подписывались, те освобождались, а упорствующие задерживались в остроге с полубритой головой. Но и в том было мало успеха.

Подобная волокита продолжалась от 1-го числа генваря и по пасху, а между тем надлежало тому делу иметь и развязку. И уведомлен был о том начальник губернии[и], который назначил временное отделение и на Фоминой неделе на упрямство народное не глядели. Как тут в Купавну является временное отделение и команда солдат, не замедлил и начальник губернии г-н Капнист, пожаловал в дом владельцев фабрики, переодевшись вышел на двор к собранному народу во всей своей форме. Подписавшиеся в мешане, стали по правую сторону, а упорствующие по левую. С правой стороны поднесли ему хлеб-соль, поздравили с приездом, и он принял хлеб-соль. А затем обратившись на левую сторону громко крикнул на мужиков: «на колени». А солдатам скомандовал в каре ⁷⁹.

Падают мужики на колени с трепещущей душой. И приказал вслух всем читать указ. «Высочайше повелено — промолвил — тому повиноваться, слушайте». По прочтению указа крикнул: «подписывайтесь». Мужики начали было отговариваться, надеялись на своем устоять, а напротив того начали розгами валять, да по-военному. О, как первого били, не думали ему и живу быть, даже исправник плакал и лежащего под розгами в получувстве уговаривал подписаться, который несколько пришедши в себя, из'явил свое согласие подписаться, и более наказывать не стали. А затем начали наказывать и другого, но тот не замедлил сознаться, и того освободили, а за ним третьего положили, который также скоро себя пожалел, и его губернатор больше бить не велел. Последний под розгами больно стал кричать, и не в силах был собою за прочих отвечать. Он кричал даже безобразно: «Ай, ай, батюшки, больно», и его пустили вольно. «Подпишусь, подпишусь!» Вставши последний подошел к губернатору с по-

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Так и подлиннике. Слово «бывше» употребляется автором очень часто, нередко заменяя сложный оборот речи. Мы оставляем его всюду без изменения.

² В подлиннике «планерует».

³ Здесь и ниже слово «следующий» употребляется в значении «подходящий».

⁴ Угол страницы оторван. Отсутствует одно слово.

⁵ Угол страницы оторван.

⁶ В течение.

⁷ Купавинская суконная фабрика существует с 1820 г. (Московское древлехра-пилище. Архив Юсуповых, дела 1831 г.).

⁸ В подлиннике: «состояще».

⁹ Далее в подлиннике: «будучи».

¹⁰ Земский был московским купцом.

¹¹ «Ревизией» в XVIII и XIX вв. называлась перепись населения. Первая ревизия производилась в течение 1719—27 гг. 10-я, последняя, ревизия, о которой гово-рит автор, происходила в 1859 г.

¹² О положении посессионных рабочих см. в предисловии тов. Панкратовой.

¹³ В подлиннике: «Панмарькова».

¹⁴ В подлиннике: «составишись». Вместо прошедшего времени автор часто упо-требляет деепричастие. Ниже эта форма заменяется прошедшим временем без оговорок.

¹⁵ На циферблате.

¹⁶ Далее в подлиннике: «и».

¹⁷ В подлиннике: «управляше».

¹⁸ В подлиннике здесь и ниже вместо «хочешь» «хощь».

¹⁹ Николай Борисович Юсупов был одним из крупнейших землевладельцев сво-его времени и владельцем ряда промышленных предприятий. Унаследовав от отца (президента коммерц-коллегии) вотчины, разбросанные в 16 губерниях, и ряд про-мышленных предприятий, Н. Б. основал суконные и каразейные фабрики в вотчи-нах Курской губ., слободе Ракитной и селе Никольском, в Москве и в подмосков-ном селе Спасском-Котове и в других имениях.

²⁰ В подлиннике: «Камер'ер».

²¹ Так назывались посессионные рабочие, если они не были куплены владель-цем фабрики, а приписаны казной.

²² В подлиннике: «х'».

²³ В целях регулирования порядка работ и взаимоотношений рабочих с вла-дельцами для крупных посессионных фабрик составлялись своды правил или т. н. «Положения».

«Положение» Купавинской фабрики, введенное при передаче ее из казны Юсу-пову, устанавливало размер зарплаты и периодическое повышение ее, определяло рабочее время, обязывало владельца давать известное обеспечение малолетним и нетрудоспособным и т. д. Это «Положение» напечатано в «Полном собрании зако-нов» (№ 21076).

²⁴ Повидимому: «укрепляя».

²⁵ Далее повторяется: «для».

²⁶ Так в подлиннике.

²⁷ Аппаратами в Купавне назывались сукновальные и сукнодельные машины, вве-денные Юсуповым.

²⁸ В подлиннике: «отделенные».

²⁹ Далее в подлиннике: «и».

³⁰ Далее в подлиннике: «а».

³¹ В подлиннике здесь и ниже: «Бапкины».

³² В подлиннике: «милостины».

³³ Фраза не окончена. В «Положении» далее следует: «то дабы не было оста-новки в работе и прсгулов от недостатка шелкоз и прочих материзлов», содержа-тель фабрики обязан будет иметь соразмерно производству работ всегда до-статочное количество оных в запасе».

³⁴ В подлиннике: «продолжавшись».

³⁵ В подлиннике: «лаошникам».

³⁶ Далее в подлиннике: «и».

³⁷ Далее в подлиннике: «и».

³⁸ Так в подлиннике.

³⁹ В подлиннике: «поступая».

⁴⁰ В подлиннике: «презпно».

⁴¹ Лукавый.

⁴² В подлиннике: «относящаяся».

⁴³ Фамилия богородского исправника была Евреинов.

⁴⁴ В подлиннике: «но».

⁴⁵ В подлиннике: «недоумеваясь».

⁴⁶ Небольсин был в это время московским гражданским губернатором. Генерал-губернатором был кн. Д. В. Голицын, о котором автор говорит ниже.

⁴⁷ В подлиннике: «дабы».

⁴⁸ Далее в подлиннике: «а».

⁴⁹ В подлиннике: «сенидрон».

⁵⁰ В подлиннике: «лаушка».

⁵¹ В подлиннике: «знаком».

⁵² «Слава богу» вписано над строкой.

⁵³ В подлиннике: «легулярного».

⁵⁴ В подлиннике: «климанта».

⁵⁵ Повидимому: «спохватившись».

⁵⁶ Далее повторяется: «Бабкин».

⁵⁷ Автор имеет в виду закон 18 июня 1840 г., разрешавший владельцам посессионных фабрик увольнять рабочих и приобретать эти фабрики в собственность.

⁵⁸ В подлиннике: «Кузинки».

⁵⁹ В подлиннике: «спланеровавшие».

⁶⁰ «Дело» вписано над строкой.

⁶¹ Старший брат П. Бабкин скоропостижно умер в 1840 г., через 2 года умер и другой брат.

⁶² В подлиннике здесь и ниже: «Матвеив».

⁶³ В подлиннике: «дабы».

⁶⁴ Далее в подлиннике: «как».

⁶⁵ В подлиннике: «но».

⁶⁶ В подлиннике: «своячениы».

⁶⁷ В подлиннике: «дабы».

⁶⁸ В подлиннике: «а потому и признано».

⁶⁹ В подлиннике: «огороды».

⁷⁰ В подлиннике: «финансова».

⁷¹ Далее в подлиннике: «как».

⁷² В подлиннике: «подозреваемся».

⁷³ Далее в подлиннике: «(не стоило бы)».

⁷⁴ В подлиннике: «спокою».

⁷⁵ Далее в подлиннике: «то».

⁷⁶ В подлиннике: «дочитался».

⁷⁷ Далее в подлиннике: «и».

⁷⁸ В подлиннике: «самозброта».

⁷⁹ В подлиннике: «в карею».

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА О КУПАВИНСКОЙ ФАБРИКЕ

Бывшая посессионная Купавинская фабрика — в настоящее время фабрика им. Склянского 1-го гос. шерстяного треста в с. Купавне, Богородского района, Московской области.

Автор «Записок» — посессионный рабочий, а впоследствии служащий фабричной конторы Кротов — родился, повидимому, в 1807 г. В 1823 г., 16-ти лет, мы встречаем его в списке мастеровых людей Купавинской фабрики. Он работает «при чесальных машинах» и получает 8 руб. в месяц. В 1828 г. он уже слесарь, получает в месяц 10 руб. Учившись «за алтыни медные», Кротов «при недостаточной образованности своей», все же несомненно должен был выделяться из рабочей среды грамотностью и начитанностью. Этому обстоятельству он, вероятно, и был в значительной мере обязан своим «выдвижением» на службу в фабричную контору. Когда именно Кротов оставил «ремесленное занятие» — выяснить не удалось.

«Записки», как исторический источник, представляют большую ценность и сравнительную достоверность. Автор использует не только личные воспоминания, но и сведения, собранные «от старичков и пожилых мужичков», купавинских старожилов. Он хорошо изучил «Положение» Купавинской фабрики 1803 г., приводит из него целые пункты, очевидно на память, но почти текстуально: он хорошо знает переписку между министерством финансов и министерством государственных имуществ и вообще всю междеведомственную переписку, касающуюся «освобождения» купавинских рабочих. Основываясь на «народном предании» Кротов ведет рассказ, начиная с перехода Купавны от кн. Репнина к Д. Я. Земскому (1744 г.)¹.

¹ Краткие сведения по истории Купавинской фабрики см. в «Историческом описании казенной Купавинской шелковой фабрики» — Московское древлехранилище, архив Юсуповых, дела без дат.

В 1784 г. Купавинская фабрика была куплена с аукциона князем Г. А. Потемкиным, а в 1789 г. перешла в ведение казны. Эти факты, также как и постройка часово́й фабрики, отмечены в «Записках», причем даты либо не указываются, либо указаны не совсем точно. Не точны и сведения о Земском и Потемкине, о которых автор рассказывает повидимому то, что слышал от купавинских стариков.

В 1803 г. Купавинская фабрика была передана казной на правых посессионного владения князю Н. Б. Юсупову, сын которого через 30 лет, в 1833 г., продал ее купцам Бабкиным. Период владения Юсупова автор в значительной части знает уже по личным воспоминаниям.

Вскоре после передачи фабрики Бабкиным, на почве низкой заработной платы, дороговизны и недостатка хлеба, у рабочих создалось сильное недовольство. В 20-х и 30-х годах, как известно, вообще, происходило широкое движение посессионных рабочих, которое в значительной мере содействовало прекращению самого института посессионного владения фабриками и заводами. Купавинская фабрика занимает не малое место в этом движении и «волнения» купавинских рабочих получили известное отражение в исторической литературе. Заметка Дунина «Бунт на Купавинской фабрике», основанная, главным образом, на воспоминаниях, в общем совпадает с рассказом Кротова, дополняя его некоторыми подробностями. Так, вместо глухого указания на то, что один из рабочих «неаккуратно высказался» и рассердил Бабкиных, у Дунина мы читаем следующее: «Ткач Родион Пешников, обратившись к Илье Бабкину, сурово спросил его: «Кто ты, наш помещик, али владелец? Почему нас имеешь? покажи указ!» — «Да, да, покажи указ, потребовала толпа». Дунин точно указывает день выступления рабочих (22 июля 1834 г.), называет участников по именам, дает ряд других подробностей (описание процедуры военного суда и т. д.); см. «Наша Старина» 1917 г., № 1.

Сведения о выступлении купавинских рабочих мы находим и у Туган-Барановского, причем Туган-Барановский, пользовавшийся исключительно материалами Департамента торговли и мануфактур, передает ход событий менее точно, расходясь как с Дуниным, так и с Кротовым; см. его «Русскую фабрику в прошлом и настоящем».

Автор «Записок» сумел уловить социальные сдвиги, происшедшие в 30-х и 40-х годах, когда «фабрикация» значительно развилась и могла процветать не посредством бояр, а деятельностью людей низкого сословия... И в таком отношении низкий класс опередил вышший на большое расстояние».

Любопытно, что в записках отмечается своеобразная смычка между купавинскими фабричными и присланными для их усмирения солдатами. Побывавшие уже на усмирениях в помещичьих имениях солдаты предупреждают, «что в подписке нередко бывают подлоги», и советуют купавинским быть осмотрительными и осторожными. «Усмирители» с большим сочувствием относятся к усмиряемым, уделяют часть своего пайка, кормят их голодных детей. «Жители» в свою очередь «не стесняются» пребыванием солдат у них на постое. Любопытен и рассказ о производстве тайного дознания среди солдат по распоряжению московского генерал-губернатора Голицына.

Сохранив близость и полную солидарность с рабочими, из среды которых он вышел, Кротов все же, в один из самых критических моментов, оторвался от них и был обвинен ими в измене. И сам он, и начальство, и рабочие считали его «в числе руководствующих» движением, народ ему «доверял себя во многом». Но под давлением исправника и по совету «сведущих лиц» он решил, что против высочайшего повеления, «как против рожна острого» итти нельзя, советовал всем «подписаться в городское сословие» и, по приказанию исправника, составил соответствующий «заголовок», текст для подписки. Тогда рабочие перестали доверять ему, и огорченный руководитель потерял всякое влияние на массу.

Масса купавинских рабочих вообще отличается большой товарищеской спайкой и исключительной солидарностью. При аресте товарища рабочие отбивают его и заявляют, что все они виновны не менее арестованного. Интересный штрих добавляет сюда Дунин. Когда, после отмены Голицыным постановления военного суда, 6 человек все же были приговорены к наказанию плетью, — рабочие собрали деньги и подкупили палача, чтобы он умерил удары и пощадил их товарищей. Та же солидарность проявилась и в момент «освобождения», когда рабочие упорно и дружно отказывались записаться в мещане, предпочитая крестьянский труд работе на фабрике у ненавистных Бабкиных. Только прямое насилие, только экзекуция могла заставить рабочих подчиниться высочайшему постановлению.

«Записки о Купавинской фабрике» писаны в 1877 г. Автор обещает рассказать «о событиях в Купавне и происшествиях по 1877 г.», но записки его не окончены.

Записки печатаются по новой орфографии. Неправильные согласования слов исправлены без оговорок. Остальные изменения оговорены. Пунктуация современная. Заглавные и подзаголовки, а также разбивка на главы сделаны нами. В оригинале текст сплошной. Подлинник «Записок» хранится в Московском Областном архиве.